

Елена Демченко

ЗВЁЗДНЫЙ ВОЛК

16+

Истории
отдела
"А"

Елена Демченко
Звездный волк.
Истории отдела А

<https://litres.ru/63596413>

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов, объединенных общим сюжетом и персонажами.

Обычная девушка, обычный офисный работник с необычным именем Антония. Но вот жизнь ее обычной не назвать! Ей приходится порой выступать и в роли детектива, и путешествовать в необычный мир, и менять облик. Не потому ли всё происходит, что работает Тоня в морге?..

Елена Демченко

Звездный волк.

Истории отдела А

Протокол 30

Я всегда любила шум проходящих поездов. Мы с бабушкой жили в частном доме недалеко от железной дороги, и ритмичный стук колёс доносился до моей комнаты каждый час. Ночами он успокаивал, убаюкивал, днём вселял уверенность, что всё будет хорошо, потому что неизменно, потому что каждый день одно и то же, а значит, ничего потрясающего не может произойти в принципе. Привыкнув, я перестала его замечать, но до сих пор характерное «тук-туктук...» вызывает самые тёплые, самые приятные воспоминания детства.

Но междугородный «монорельс» звучит по-другому. Он издаёт шипение и лязг, когда швартовочные демпферы принимают его в стальные объятия на станции. Монорельс не ассоциируется у меня с детством, бабушкой, сладкой морковкой на огороде, но тоже вызывает волнение. Потому что на нём утренним рейсом приезжает ОН. Когда я спешу на работу, к станции подплывает бело-синяя лента поезда, и среди стекающей по трапу толпы пассажиров каждое утро я вижу

ЕГО. ОН легко сбегает по ступенькам с эстакады, не пользуясь эскалатором в отличие от большинства, и спортивной походкой направляется через парк к центру города.

А я стою и смотрю вслед, пока ЕГО силуэт не исчезает между деревьями. И тоже иду. Только в другую сторону. Потому что я работаю не в центре. Иногда представляю, как бы всё было в другой реальности? Я, вся такая стройная и лёгкая, лечу за НИМ вслед, к главной площади города, в модельное агентство, где работаю. Однажды ОН замечает юную красавицу, мы знакомимся...

Но, увы. Модельное агентство как-то обходится без меня. Должно быть, у них нет потребностей в моделях моих габаритов, и потому работаю совсем в другой фирме. Нет у нас современного сверкающего зеркалами офиса, народ сюда заходит по необходимости. В очень-очень крайнем случае, случае, с которым рано или поздно сталкиваются все, и который совсем не радует. Я говорю о смерти. И, конечно, месту, где она обитает, не нужен лоск и парадный вид, поэтому здание у нас скромное, серого бетона, запрятано в небольшом пролеске на берегу реки. Почти на самой окраине.

Я хожу сюда пешком, делая изрядный крюк через станцию Монорельса. Приходится выходить из дома немного раньше, но оно стоит того. Ведь каждое утро я встречаю ЕГО.

Ни имени, ни кто ОН, кем работает, где живёт, – ничего не знаю. Просто стою и смотрю вслед. Пять минут. Каждый день.

Может, ОН женат или имеет девушку? Может, у НЕГО есть дети? Я не думаю об этом. Мне хорошо просто видеть, как ОН идёт, как перепрыгивает через парковое ограждение – ажурный барьерчик – чтобы срезать угол до дороги, как ветер треплет его густые тёмно-русые волосы.

Лес шумит. Ветер гонит листья по тропинке. Я слегка замёрзла, ожидая пока охранник на входе тщательно изучит пропуск, сверяя фото с оригиналом. Он прекрасно знает меня в лицо, но скучно ему – всё понятно. Наконец, возвращает пластиковый прямоугольник, кивает разрешающе, но дверь открыть предо мной не торопится. Ну и ладно. Мы – не царица Савская, чай, не гордые и сами умеем механизмами пользоваться.

Я толкаю тяжёлую стеклянную дверь, вхожу в вестибюль, по пути наступив каблуком на ногу охраннику. Он охает, ругается, и вслед мне несётся раздражённое: «Ты не Тоня, ты – тонна!»

На столе пачка бумаг, подготовленных секретаршей шефа. Что-то мало сегодня. Оно, конечно, хорошо, если учесть специфику нашей фирмы. Только работать всё равно не хочется. Я включаю компьютер и, пока он грузится, смотрю в окно на грустный ветреный день конца августа. Канун осени. Вроде, лето ещё, а деревья шумят совсем иначе, чем весной. В зелени листьев проблёскивает золото, от реки тянет холодом, а не приятной свежестью, как всего месяц назад.

В приоткрытую дверь просовывается Милкина голова.

– Тонь, идем, кофе попьём.

Я запираю кабинет и иду в стеклянный медбокс, где работает Милка. Она врач, у нас – на треть ставки, приходит раз в неделю. Чем занимается в остальные дни, не знаю. Может, в больнице работает или в поликлинике? Или дома сидит – я не спрашивала. Какое мне дело, если она сама не рассказывает? На треть ставки прожить невозможно, но Милка говорит лишь, что у нас она работает не ради денег, а для души.

Точнее не скажешь! «Для души»! Душами мы и занимаемся. Почти.

– Много у тебя? – Милка разливает кофе по фарфоровым чашечкам, достаёт коробку с пирожными.

– Штук десять, – мысленно прикидываю количество листов в подготовленной стопке на своём столе. – У тебя соевая есть?

– Это я для себя, – невозмутимо парирует подруга. – Тебе вот, яблоко.

И мы пьём огненно горячий кофе. Я с яблоком, она – с пирожными. Пищит зуммер вызова. Милка читает сообщение на экране пейджера, потом кидает его в стол.

– Покойнички подождут. Им торопиться некуда. А мы заняты! – и без перехода. – Как сегодня? Видела Его?

– Видела.

– Ну?

– Что, ну? Всё как обычно. Пошли каждый своей дорогой.

– Это у тебя как обычно, – ворчит Милка с полным ртом.

– А у него в любой момент может всё измениться! И марш Мендельсона заиграет. Только вот рядом тебя в фате не будет. А может, Он и так женат?

– Нет, – смотрю в окно, делая вид, что совершенно, ну, вот совершенно равнодушна ко всяким там... встречным.

– Откуда уверенность? Кольца нет? Так это не показатель.

– Нет. Просто он одет...

– Во что одет?

– Как всегда – джинсы серебристые такие, пуловер красный, кроссовки... в полоску.

– И что? Это сугубо дело вкуса, – удивляется Милка.

– Да ни одна уважающая себя женщина не позволит мужику ТАК да ещё каждый день одеваться!

– Почему?

– Ничего ты не понимаешь! Вот смотри. По моим наблюдениям работает он в центре, так?

– Да откуда ты знаешь?! Может, он в переходе на флейте играет? Или рекламу раздаёт, – она доела пирожное и тут же принялась за следующее. При таком аппетите Милка не просто худая, а даже сухая – от силы килограмм сорок пять при росте выше среднего. Её хрустальная мечта – поправиться. Только не удаётся. Как мне не удаётся похудеть, Милка не может обрести вожаденные десять дополнительных килограмм веса. Один остряк из нашей конторы посоветовал нам сделать прямое переливание жира... Иногда я думаю, может, совет не такой уж дурацкий? Во всяком случае, другие ме-

тоды обрести форму – фитнес, диеты, пробежки и прочая прочая – ни к чему не привели.

– Нет, девушка, ты опять не права. Впрочем, неважно. Важно, что зарабатывает он неплохо.

– Ну, допустим, – согласилась она и отправила в рот остаток следующего пирожного.

– Зарабатывает он хорошо, – продолжала я. – Одежда дорогая, но совершенно безвкусная. И однообразная. Не женат! Хотя, надо признать, это не отрицает наличия подруги.

– Подруга – не диагноз, – парирует Милка, – а руководство к действию. Действовать надо, понимаешь? Усилия минимальные прикладывать, чтоб он тебя заметил!

– Меня трудно не заметить, – хмыкаю с долей сарказма.

– Дело не в комплекции твоей! Облик надо поменять. Сходи в салон красоты, прикупи из одежды что-нибудь. Займись собой, короче. Ты ж не уродина!

– Общество, в котором доминируют некие эталоны красоты женщины, проявляет признаки упадка. Я не хочу отождествлять себя с подобным.

– Тонь, – сожалеюще качает головой подруга. – Я ж тебе не пластическую операцию предлагаю. Просто личико сделать чуть-чуть поярче, повыразительнее. Причём тут общество? Это природой заложено. Чем партнёра привлекают в первую очередь? Внешностью! Пёрышками яркими! Щебетанием звонким.

– Во! Мне только щебетать и осталось!

– Да ну тебя, – машет рукой Милка и подливает себе кофе. Пирожные кончились, так что кофе пьёт без закуски. Но со сливками.

– Это в девятнадцатом веке девица ждала жениха у окошка. И прождать, между прочим, могла всю жизнь! А в наше время не зазорно и самой инициативу проявить. Пусть внимание обратит для начала. А интеллектом потом сразишь.

– Угу.

– Что угукаешь? Уже почти тридцатник догнала. Надо же что-то делать!

Сама Милка в свои двадцать шесть недавно развелась второй раз, воспитывала дочку пяти лет и утверждала, что находится в творческом отпуске от мужчин. Хотя, думаю, комплексов у неё не меньше, чем у меня, – всё дело в них. Но если она напоминает балерину, то я... У нас в семье все женщины отличались особой статью – этакие барыни-боярыни, крепкие, фигуристые, с густыми выющимися волосами. Только мода на барынь прошла. И на крутые кольца проволокно-жёстких волос. В детстве мама даже выстригала у меня часть прядей, потому что не могла расчесать – застревала щётка в кудрях. Сейчас я тоже не заморачиваюсь с причёской, вместо косы собирая волосы в «хвост». Ни на что иное моей фантазии не хватает.

Из декоративной косметики пользуюсь только помадой. Ага! Бесцветной. Просто чтоб губы на ветру не пересыхали. А всё прочее – тушь там, тени... – глаза у меня и так свет-

ло-голубые, а в обрамлении подчёрнутых ресниц и вовсе кажутся блёклыми.

– А давай сходим куда-нибудь? В театр, на концерт. На оперу, может. – Неожиданно предлагает подруга. – На людей посмотрим, себя покажем.

– На оперы сейчас ходят либо заядлые зануды-меломаны, либо отцы семейства с жёнушками. И то лишь для того, чтоб выспаться.

– Ты совсем от жизни отстала, – сожалеюще качает головой Милка. – Концерт концерту – рознь. Новые ритмы, новая музыка. К нам вот рок-группа «Метроном» приезжает на днях. Может, на неё сходим?

– Будем на стадионе прыгать и размахивать руками с толпой фанатеющих подростков? Боюсь, это не для меня.

– С тобой не договоришься, – проворчала Милка. – Знаешь, что, я сама возьму билеты, и куда возьму, туда и пойдём.

Аккуратно промокнула салфеткой губы, прошлась по ним помадой, улыбнулась довольно.

– Ну, вот, теперь можно и поработать. Немного. Потому что много – вредно.

– Точно!

И мы разошлись по кабинетам.

Остаток дня я трудилась, что называется, не поднимая головы. Вернее, не отрываясь от экрана компьютера, лишь изредка давая отдых уставшим глазам, переводя взгляд на лес за окном. А по линиям великой виртуальной сети мчались

вводимые мной данные о людях, которых уже нет, оседали в банках памяти всевозможных серверов, в графах программ. И теперь, если кто-нибудь запросит сведения о, например, господине N-ском из моего списка, получит уведомление, что господин сей усоп тогда-то и тогда-то. Заморозятся счета и всевозможные выплаты, льготы, долги, документы на имущество, права наследования... – всё-всё, что когда-то скрывалось в мировом хранилище информации под заголовком «N-ский N. N.».

«Подольский Дмитрий Олегович. Бизнесмен». С экрана смотрело на меня лицо мужчины лет сорока-сорока пяти, ухоженного, импозантного. После старушек в платочках и старичков в пижамках молодой мужчина в дорогом костюме выглядел не просто странно, а внесённым в список покойников по чьей-то злой шутке. Проверила протокол – всё верно. Дата смерти, вскрытие, диагноз... Милкина подпись. Удивительно. И непонятно. Вот зачем преуспевающему, молодому, богатому вдруг ни с того ни с сего самоубиваться в расцвете лет и карьеры?! «Депрессивный синдром с суицидальными склонностями». А по виду и не скажешь – улыбающееся лицо, взгляд открытый, чуть ироничный. Хотя кто знает, что порой творится в душе у человека? Тем более у бизнесмена, для которого уверенный вид – один из залогов успеха.

Я вздохнула и внесла Подольского в графу программы.

* * *

Дождь. Тёплый по-летнему, светлый. Сквозь тучи проглядывает утреннее солнце.

Я сижу на краешке тумбы моста и встречаю Монорельс. Разноцветная толпа стекает с эскалатора и рассеивается по улице. ЕГО нет. Проглядела? Вряд ли. Или ОН опоздал сегодня? Но ждать следующий поезд времени нет, и я иду на работу.

По зонтику дружно барабанят капли, потом дождик истончается и совсем иссякает. Солнышко улыбается сквозь золотеющую листву, а мне совсем не весело. Даже грустно. Хотя, что такого? Ну, не приехал – горе какое! Он тебе никто. Ты ему никто. Он тебя даже не видит в толпе!

С гласом Разума не поспоришь... Но всё равно грустно.

Охранник тщательно изучает мой пропуск. Что там надеется найти, кроме того, что и так наизусть знает?! Я, наверное, уже ему снюсь! Вернее, не сама, а голографическое фото на пластиковой карте.

Пока он развлекается, прохожу по первому этажу – там вход свободный, для посетителей.

– У вас написано «Бесплатное устранение дефектов», – сухонькая бабка семенит по коридору за Милкой. – Разве у меня большой дефект? Я ж прошу только синяк убрать!

– Бабуль, вы читать умеете? – Милка тычет пальцем в табличку на двери. – Тут написано «ПОСМЕРТНОЕ устранение». Понимаете? Вот вы умрёте, тогда и займёмся вашим синяком. Совершенно бесплатно, как и обещано!

– Но мне же тогда будет всё равно, – разводит руками старушечка.

Милка не обращает больше на бабушку внимание, берёт меня под руку.

– Вот пусть кто-нибудь скажет, что у нас не весёлая работа!

– Гы! – ржёт охранник.

Подруга увлекает меня к двери.

– Пойдём, однако.

– Антонина! Пропуск забери.

– Антония, – поправляю лысого парня в чёрной форме и хмыкаю, заметив, как он опасливо отодвигается, чтоб снова не отдала ему ноги.

– Послезавтра, – торжественно возвещает Милка, – идём на концерт!

А мне не весело.

– Куда? – обречённо интересуюсь.

– Сюрприз. Скажу при встрече. Но чтоб была во всеоружии! И никаких отговорок!... Что вздыхаешь? Тонь, ну, что мы теряем? Развлечёмся. Ты какая-то странная сегодня!

– Не, всё нормально, – не хочу лишних расспросов. Да и повод-то?!... – Хорошо. Послезавтра на остановке. Во сколько?

– В семь, – Милка довольно потёрла ладони. – Мужики, держитесь! Две львицы идут на охоту!

Одна из «львиц» посмотрела на своё отражение в стек-

лянной двери и только покачала головой.

И на следующий день я напрасно прождала десять минут на привычном месте. ОН снова не приехал.

А потом наступила суббота – день нашего с подругой выхода в свет, и я занялась приведением себя в «боевой вид».

В салоне красоты распрямили мои кудри, превратив их в шелковистые чуть волнистые пряди, немного постригли, слегка осветлили, – всего понемножку. За каких-то три часа...

Красное трикотажное платье и янтарное ожерелье завершили моё преобразование. Я скептически осмотрела незнакомую девицу в зеркале. Оно, конечно, увешивать себя побрякушками – знак примитивного культа, но... пусть будет.

Вот только Милка не сказала, где именно состоится представление? Хороша ж я буду на стадионе в модельных туфлях и платье с декольте. Ладно, впрочем. Гулять, так гулять! Пусть и на стадионе.

Подруга уже ждала меня в условленном месте. Но была при этом не одна. Возле блескучей, сияющей, яркой Милки топтался длинный, такой же худой, как она, невыразительный парень.

– Шикарно выглядишь! – Милка чмокнула меня в щёку и аккуратно платочком стёрла помадный след. Потом взяла меня под руку. – Пройдёмся? Тут недалеко. Подышим хоть.

Не дышать ей хотелось, а чтоб мужская часть населения, заполняющая улицу, замертво попадала, сражённая её осле-

питательным видом. Ну да чем плохо?

– Пойдём... А это кто? – спросила про долговязого парня, с обалдевшим видом не спускавшего с меня глаз.

– Не обращай внимания, – отмахнулась Милка. – Это Дрошнев из следственного отдела.

– Я думала, мы вдвоём...

– Конечно, вдвоём!

– Но...

– Придётся терпеть, – неохотно созналась подруга. – Это он билеты купил. Но он нам не помешает.

И мы пошли. Не спеша. Вдыхая почти осенний воздух с запахом тёплого мёда. Или это Милкины духи?

– А меня Сергей зовут, – парень из следственного пристроился с моей стороны к нашей шеренге. – А вас?

– Тонна, – хмыкнула я.

– А знаете, что у Сергеев рождаются исключительно талантливые и, не побоюсь высоких слов – гениальные дети. Тургенев, к примеру. Сергеевич! Пушкин тоже.

– Рада за вас, – буркнула в ответ. – Вернее, за ваших будущих детей.

– Или вот Чехов...

– Чехов – Павлович, – вмешалась Милка. – Дрошнев, держись позади. Мы ж договаривались.

Парень послушно приотстал, а Милка покачала головой.

– На родителях гениев природа отдыхает!

А мне его жалко стало. Немножко.

Наконец, мы пришли. Не на стадион к счастью, но в недавно отстроенный Дом Культуры – роскошное здание современной архитектуры. Стеклянные галереи, зимний сад с фонтанчиком, кожаные диваны в фойе, – красота! Приятно, когда на культуру не жалеют денег. Хотя бы зримо.

Милка словно невзначай оглядела толпу, томящуюся перед закрытыми дверями.

– Встретимся в зале, ладно? – шепнула заговорщически.

– Конечно, – кивнула я. – Веселись.

И Милка отправилась веселиться. Жертвой её оказался скучающий у окна в одиночестве высокий брюнет. Она проплыла мимо него, не обращая внимания, но тончайший шарфик с её плеча неожиданно соскользнул прямо на рукав мужчины.

– Девушка, вы потеряли..!

Милка так искренне удивилась, что я на секунду поверила в волшебный случай, помогающий знакомиться двум людям.

– Может, мороженого? – предложил Сергей.

– Нет, спасибо.

– Не любите? Или...

– Или. Лишние калории и всё такое.

– Тонечка... Можно я буду вас Тонечкой называть? Так вот, поверьте, вам вовсе ни к чему жаловаться на фигуру и отказывать себе в удовольствиях вроде мороженого. Вы такая...

– Какая? – поскущела я.

– Очень-очень женственная.

– А я думала, вам Мила больше нравится. Билеты покупаете для неё.

– Людмилочка – да, она... хорошая, но колючая уж больно.

Я глянула в сторону подруги. Загадочная улыбка, в глазах понимание и участие. Само обаяние! И брюнет, похоже, разделяет моё мнение и что-то увлечённо рассказывает, рассказывает!

– А вы, – продолжал тем временем Дрошнев, – от вас таким уютом веет, таким теплом!..

Договорить он не успел, потому что двери, наконец, приглашающее распахнулись, и толпа любителей искусства потекла рассаживаться в зал.

Сказать, что была просто музыка, ничего не сказать. Это была МУЗЫКА.

К меломанам себя не отношу, глубокими познаниями в теории воплощения мыслей и чувств композиторов не обладаю. Песни и инструментальные произведения всегда оцениваю с позиции «нравится-не-нравится». Должна быть хорошая мелодия, а не «дрын-дрын» в три аккорда, профессиональный вокал. Собственно, и всё. Неважно при этом, к какому стилю и что относится. Симфония, рок, «металл», – главное, чтоб талантливо. Но никогда, ни разу в жизни я не слышала музыки, вызывающей столько эмоций и зрительных

образов! Перед внутренним взором возникали сложнейшие цветочные композиции. Ни одно из голографических световых шоу, столь популярных ещё недавно, не могло бы соперничать в красоте и разнообразии картин, рождающихся в глубинах сознания! То было не просто хаотичное мелькание красок, а структуры, имеющие не только форму, но объём, скорость, протяжённость во времени! Всё это жило, перетекало одно в другое, гасло, вспыхивало вновь. Высокие звуки уносились в ослепительно голубую, а потом фиолетовую часть спектра, низкие – в бархатно-красную, меркли в чёрно-зелёном.

И чувства... Вдохновение, эйфория, любовь ко всему миру переполняли, беззвучными стихами летели во вселенную из самого сердца, заполняли пространство вокруг.

Я и не знала, что способна ТАКОЕ видеть или вообразить! Даже не сразу поняла, что произошло, когда всё закончилось. Когда стихла МУЗЫКА. Зал дружно аплодировал, кто-то выкрикивал «браво!», а я вытирала слёзы со щёк и хотела только одного – вернуться в чудесный мир оживших мелодий.

А Милка в зале так и не появилась. Они с брюнетом просидели весь концерт в саду, уютно устроившись на одном из диванчиков.

До дома меня проводил Дрошнев. Всю дорогу мы молчали. Не знаю, о чём он думал, а я всё ещё находилась во власти удивительного волшебства музыки и ни говорить, ни об-

суждать ничего не хотела.

– Может, ещё куда-нибудь сходим? – робко поинтересовался мой спутник у подъезда.

– Что?

– Однажды. Сходим. Вместе...

– Посмотрим, – буркнула я и, махнув на прощание, закрыла за собой дверь.

«Посмотрим». Универсальное словечко. Вроде, и не отказала, но и не согласилась. Никаких обещаний. Никаких обязательств.

В воскресенье мы с Милкой не виделись, а новую рабочую неделю начали как обычно с ежеутреннего вкушения кофию и обмена впечатлениями.

– Он такой умный! – подруга даже на какое-то время забыла о пирожном, вновь переживая романтическую встречу.

– Торсионные поля!..

– Чего-чего??

– Поля, говорю, торсионные, – Милка вернулась на землю и откусила, наконец, эклер. – И теория струн. Вот ты знаешь, что это такое?

– Нет.

– А я... – она глянула снисходительно так, сверху вниз, (что вообще-то совсем нетрудно, коль она на полголовы выше меня), сделала эффектную паузу и закончила, – Я тоже нет. Но я слушала!

– И я слушала.

– Про поля?!

– Нет. Музыка. Потрясающе...

– А-а. Тебе понравилось?

– Не то слово!

– А я вообще-то не очень люблю поли-мента-графическую обработку. Не знаю, кого – как, а меня в сон тянет.

– Какую обработку??

– Поли-мента-графическую. Никогда не слышала?

– Слышала, вроде, – я постаралась вспомнить. – Это какое-то новое направление художественное... Кажется.

– Ну, да. Для усиления впечатления и прочая, прочая. Только, чтоб эффект лицезреть, надо обладать хотя бы минимальной синестезией, а у меня её в зародыше нет. А ты что-то видела?

– Видела. И думала, у всех так.

– Нет, – Милка сожалеюще цокнула языком. – Увы. Это дар.

Поисковая система выдала 16 миллионов страниц с упоминанием нового направления художественного искусства. Переходя по ссылкам, я углубилась в такие детали, такие дебри сложнейшего программирования, что заблудилась окончательно, так толком и не уяснив, что это вообще такое – музыкальная ментаграфия??

Попробовала другой путь. На программке концерта, что случайно осталась в моей сумочке, значились фамилии дирижёра, оркестрантов, композиторов... А, вот! Ментаграфи-

ческая обработка. Художник – В.-М. Берг. Посылаю запрос.

Тёмно-русые густые волосы, полуулыбка, поворот головы в необычной манере с лёгким откидыванием назад... Я смотрела в незнакомое и такое знакомое лицо и думала, что первый раз вижу ЕГО вот так, близко, рядом-рядом. А Он и не знает. Зато я знаю. Знаю, что на крошечный шагок стала ближе. Хотя он вполне может остаться последним. Ну, известно теперь, что ОН – художник. Или композитор? Или программист? Как точнее назвать его специальность? Наверное, всё в комплекте, всё сразу, ведь без знания чего-то одного не получится другого – того видео-музыкального шедевра, поразившего моё воображение на субботнем концерте.

* * *

Я встречаю утренний Монорельс. И ЕГО. Теперь уже не безликого незнакомца, а талантливого (не думаю, что только по моему мнению!) художника-программиста мента-графии.

Снова накрапывает дождь, но я решительно закрываю зонтик, чтобы не запутаться в нём, чтобы не мешал воплощению одной идеи, возникшей накануне вечером. Глупо как-то, по-детски. Милка, наверняка, придумала бы что-нибудь поизящнее. Но вот что она действительно приветствует, так это решительность. Во всех действиях. И на эту решительность всё время пытается меня подвигнуть. Так что, думаю, одобрила бы. И я, выждав момент – куда уж решительнее! – устремилась в толпу из сонных недовольных лиц вперемеш-

ку с зонтиками.

– Извините! Простите, пожалуйста! Можно вас на минутку?!

Когда ОН обернулся, у меня сердце ухнуло куда-то, а голос от волнения стал противно писклявым.

– Извините, вы... Берг?

– А в чём дело?

Спешащие люди то и дело толкали меня в спину, за шиворот капала холодная вода с зонтиков, но я отмечала мелкие неудобства краем сознания, желая лишь одного – продлить подольше миг встречи с Ним.

– Можно ваш автограф? – улыбнулась виновато и радостно (Милкина школа!). – Я была на днях на концерте... Просто поразительно! Музыка необыкновенная!.. Полнейший восторг!

– Я вообще-то музыку не пишу, только обрабатываю. Где расписаться? Давайте быстрее, а то опаздываю.

– Сейчас, – порылась в сумке, достала папку с распечатанной фотографией. – Вот.

Он некоторое время рассматривал свой портрет.

– Откуда это? – спросил подозрительно. – Вы – папарацци?

– Нет, что вы?! Это... с работы.

– Моих фото в Интернете нет.

– Служебный файл... Я не думала, что... – растерялась я.

Вот так поворот!

– Ничего, – улыбнулся он и размашисто расписался под фотографией.

– Спасибо.

– А откуда служебный файл? Полиция?

– Морг, – прошептала я. – Отдел смерти.

– Ух, ты! Как зловеще звучит! – Он расхохотался и умчался в дождь.

Забыв про зонтик, стояла, смотрела ему вслед. Холодные капли стекали по лицу, дул пронизывающий ветер, а мне было жарко и непередаваемо радостно.

Милки сегодня нет, придётся пить кофе в одиночестве. Я включила чайник, распустила волосы, чтоб быстрее высохли. Они кучерявой копной рассыпались по плечам.

– Можно? – в дверь просунулась улыбающаяся физиономия Дрошнева.

– Заходи.

– Я весёлый Дед Мороз, я подарок вам принёс, – он шлёпнул на стол пачку листов. – Царице русалок всеподданнейший привет.

– Ты теперь секретаршей работаешь?

– Вроде того. А это кто? – он кивнул на фото моего кумира, заботливо пристроенное под стекло возле компьютера.

– Это Вальтер Берг, – сообщила как можно равнодушнее.

– Берг, Берг... что-то знакомое.

– Мы на его концерт ходили в прошлую субботу.

– Композитор??

– Нет. Художник мента-графист.

– А-а. Нет, я где-то ещё слышал... Берг... О! Вспомнил! Дело Подольского. На прошлой неделе. Он упоминался в списке свидетелей.

– Подольский? – теперь я стала вспоминать. – Молодой такой. Бизнесмен? Дело о самоубийстве?

– Точно.

– Хм. Может, другой Берг?

– Может и другой, – согласился Дрошнев. – У нас же Вальтеров Максов Бергов пруд пруди.

– А даже если и он, то что?

– Да ничего. Вобщем-то... Дело в архиве. Закрыто. Ладно, я пошёл.

И уже уходя:

– А ненакрашенная ты выглядишь моложе. И красивее.

– Угу. Шли б вы работать, будущий отец гениальных детей.

Он хохотнул и прикрыл за собой дверь.

* * *

Я опоздала совсем чуть-чуть. Но уже издали увидела, что толпа приезжих изрядно поредела. Лишь некоторые пассажиры, особо не торопясь, расходились с платформы, а громада поезда в два этажа мирно застыла на станции, в металлической своей полудрёме ожидая следующего рейса через час. А Он, конечно же, давно ушёл... Вот тут я почувствовала, что в жизни моей что-то круто изменилось, что заведён-

ный распорядок, где-то даже устраивавший меня многомесячной стабильностью, напрочь сломался, и возврата к нему может не случиться. И возможно потому, что накануне я решила на несвойственный мне отчаянный шаг. Вот так мы порой меняем будущее – одним росчерком, одним автографом на фотографии. Я всё изменила! Потому что Он не ушёл на этот раз. Более того! Он ждал! Сидя на моей любимой каменной тумбе у моста. Потом спрыгнул и пошёл навстречу! Мне! Мне?!.. Улыбнулся, помахал рукой.

Я оглянулась. Никого интересного поблизости. Две бабульки увлечены беседой на скамеечке, парень с девушкой идут в обнимку – им явно никто третий не нужен. Собачка вислоухая трусит куда-то по своим делам...

– Привет! – Он улыбнулся с двухметровой высоты своего роста и знакомым движением отбросил чёлку со лба.

– Здравствуйте... То есть... Привет, – постаралась улыбнуться в ответ.

– Ты на работу? Можно тебя немножко проводить?

Привычный километр пути через лесок, над берегом реки, показался мне неоправданно коротким. Или сами мы невольно меняем реальность, укорачивая и удлиняя расстояния, замедляя и ускоряя время? Почему, когда спешишь, оно тянется до бесконечности, а когда хочешь пару-другую лишних часов, они проносятся как метеоры по ночному небу? Пятнадцать минут! Только пятнадцать; и как-то разом они истекли. И ничего толком не сказано – так, всякая ерунда о

ранней осени в этом году, о холодных дождях. О птицах, с печальным курлыканьем летящих к югу неровными клинья-ми. Впрочем, о чём угодно, кроме ответов на миллион теснящихся в уме вопросов.

И всё-таки это было Начало! Начало новой жизни, нового её этапа. Что сулит он? Радостные перемены или...? Конечно, радостные! Я молода, я влюблена, я счастлива! И осенний дождь – это так чудесно! Летящие птицы – так романтично! Мокрый редеющий лес прекрасен в своей обнажающей печали!

Он проводил меня почти до дверей, чмокнул в щёку.

– Увидимся, – улыбнулся на прощание и зашагал обратно привычной стремительной походкой.

Охранник на входе, набычившись, исподлобья выжидающе смотрел. Вздохнула и порылась в сумочке на предмет извлечения пропуска.

– Да иди, ладно, – неожиданно смилостивился наш штатный цербер.

– Эт кто был? – крикнул вслед.

Я полуобернулась на лестнице с достоинством королевы и снизошла до ответа.

– Киноартист. 7D-студия «Акрос». Слышал?

– Да ну! – не поверил охранник. – Правда, что ль?

Но я уже ушла и не стала развеивать сомнения, что Вальтер работает в крупнейшей международной кинокомпании. Ведущим артистом. Почему бы нет? Хотя бы ненадолго. Ес-

ли Я так хочу?

* * *

– А я кофе принёс, – Дрошнев просунул в дверь голову. – И печенье. Домашнее. Мамино... Войти можно?

– Входи, – вздохнула я. Глазами и видом своим взлохмаченным он напоминал щенка, нашкодившего и оттого виноватого-виноватого! Хотя кошек больше люблю... Ну да ладно.

– Но печенье...!

– Никакого отказа! – Сергей заварил себе кофе в огромный бокал – этакую бадью, разукрашенную розовыми глянцевыми зайчиками (ах, Дрошнев! Ты когда-нибудь повзрослеешь? Впрочем, у многих мужчин с этим туговато.)

– Мама очень старалась, – он аккуратно разложил бисквитный шедевр на использованный лист А4.

– У меня есть тарелка, – скучно заметила я.

– Ага, давай. Так вот, когда мама узнала, что у нас работает красавица с косой...

– И в чёрном плаще с капюшоном? Это ты про Милу?

Он поперхнулся.

– Не понял.

– Ну, как же? Заведение у нас специфическое, так что образ вполне уместный. Даже если я(!) встану у входа с косой наперевес, смешно никому не будет. А уж Мила!.. И чёрный цвет она любит.

– Эх, – он вздохнул и покачал головой.

– Так что с мамой? – невинно поинтересовалась я, двумя пальчиками держа исчезающее тонкую чашечку с кофе.

– А!.. Ничего. Просто она очень старалась. – И тут же без перехода. – Мне консультация нужна твоя. Медицинского плана.

– О!

– Милочки нет, но может, ты знаешь?

– Я вся внимание.

– Когда заключение анатомическое по покойничкам делают, анализы какие проводят?

– Общие, – удивилась я. – Есть специальная инструкция, где всё перечислено. Не могу сказать, какие именно – они очень специфические; тут тебе только Милка объяснит, но их десяток, не меньше.

– Ага, – он задумался. – А есть среди них такие, которые позволили бы определить... э-э-э... стороннее воздействие?

– Ты это о чём? О каком воздействии? О побоях? Или о ядах?

– Не совсем. Вот, например, человек подвергся гипнозу. Я слышал, что это потом, даже спустя время, определяется как-то.

– Да. – Кивнула я. – Меняется состав крови. На молекулярном уровне. Поэтому в личном деле обязательно должна быть запись, что гражданин подвергся гипнозу в связи с тем-то и тем-то, в лечебных целях или каких других. Чтобы исключить отравление.

– А коли упоминания о постороннем воздействии нет?

– Если анализ его выявит, тогда проводится следствие. Уж это ты должен знать.

– Конечно, знаю. Хотя в детали нас обычно не посвящают. Но если нет записи??..

– Обязательно должна быть. Или исследования проводились с нарушением протокола. За это с работы могут попросить. И лицензии медицинской лишить.

– А ну-ка глянь, – он подвинул мне прозрачную папочку с распечатками. Я пробежала глазами ряды цифр и формул. Ткнула пальцем в строчку внизу.

– Вот. «Альфа-кодирование» Это и есть гипноз. Или зомбирование – как угодно. Коэффициент ноль. Всё нормально... А чьё это?... «Гражданин Подольский»... Ух, ты!

– Что?

– Нет, ничего. Совпадение. Просто меня тоже мысль посетила, с чего бы ему в реку бросаться с пятидесяти метров? Ни с того, ни с сего... Хотя... Тут вот запись о прогрессирующем депрессивном синдроме, но это отклонение в психике, а не криминал. Так что... Всё чисто.

Я вернула листик Дрошневу, и он аккуратно вложил распечатку в папочку.

– Понятно. Спасибо.

Бадья с зайчиками опустела, но уходить Дрошнев не торопился. Думал о чём-то.

– А если запросить повторный анализ? Можно это устро-

ить?

– Милка будет через неделю. Но теоретически можно. Только нужно разрешение родственников. У Подольского, вроде, жена есть... Сейчас гляну.

Я набрала код программы, и на экране монитора возникло фото молодой женщины в строгом непритязательном костюме. Белокурые волосы собраны на затылке в тугий узел, глаза сощурены, губы поджаты...

– Ну и личико! С похорон что ли снимок? С её собственных причём.

– Да уж! Видок сердитый, – кивнул Дрошнев.

– Думаешь, даст разрешение?

– Попробую. Чего ей бояться? Если, конечно, нечего бояться.

– Причины разные могут быть, – пожала плечами. – Этические, религиозные... И дело-то закрыто.

– Да... Закрыто, – пробормотал он. – Ладно. Спасибо. Приятно было пообщаться. Можно я ещё зайду как-нибудь?

И виновато-виновато улыбнулся. Ну, что с ним делать? Я вздохнула.

* * *

Осень я не люблю. Угасание природы, дожди... Хотя дождь – это не так плохо. Это очень даже уютно и романтично. Когда смотришь на него из окна, а в руке чашка с чаем, когда тепло и уютно, а открытая книга манит приключениями и переживаниями.

А вот когда уставшая, замёрзшая, с промокшими ногами, потому что от небольшого ума, прельстившись красотой, а не практичностью, надела утром не сапоги, а новые модные туфельки, – когда до дома ещё час в транспорте и полчаса пешком, как-то оно не до романтики.

Но это ж было без НЕГО! А что может СЕЙЧАС омрачить прогулку по мокрому осеннему лесу, когда капли на ветках сверкают в лучах вечернего солнышка драгоценными радужными переливами? Что может омрачить счастья прикосновения ЕГО губ, прохладных, пахнущих... снегом? Что может омрачить и нарушить великую гармонию счастья, царящую в моей душе? Да ничего и никогда!

Даже слова Дрошнева и его дурацкие замыслы. Ладно. Я сделаю, что он просит. И докажу, что он не прав!

– «Отдел смерти»... Звучит страшно, а уж представить, что работать в Её окружении...!

– Да ничего, – пожимаю плечами. – Привычно уже. Хотя у нас не принято упоминать о ней. Не «отдел смерти», а «отдел А». Чтоб посетителей не шокировать.

– Ясно, – кивает он и спохватывается вдруг, – ты не замёрзла?

– Немного, – стараюсь улыбнуться. (Какое там «немного»!)

– Давай так – я провожу тебя, а завтра будет маленький сюрприз. У меня дома, – загадочно улыбается. – Встретимся на вокзале в восемь. Хорошо?

Я немного разочарована, потому что хотела бы продолжения прогулки. С посещением какого-нибудь уютного кафе... Но завтра так завтра. В конце-концов не слишком ли тороплю события?

И почему же ЕГО губы пахнут снегом?..

* * *

– Знаешь, что я выяснил? – Сергей пьёт кофе в моём кабинете, жуёт печенье мамочки и думает, мне жутко интересно, чего же это он там навывяснял!

– И что же? – пытаюсь изобразить внимание.

– Подольский довольно плотно общался с Бергом.

– Это как? «Плотно». Обнимался что ли?

– Нет, зачем? Финансировал какие-то проекты. Хотя по мнению коллег был довольно прижимистым. Даже скупым. Неоправданно скупым. Тормозил бизнес, мотал нервы партнёрам.

– И что?

– В том и дело! В финансовых отчётах – подряд три статьи расходов на невнятные какие-то цели. Получатель кредита – В. Берг.

– Ну... кредит для банка предполагает какую-то выгоду. Мне так кажется.

– На десять лет? Беспроцентный? Странно.

– Это у тебя профессиональное – во всём странности видеть. А что ты знаешь о бизнесе? Какие случаются проблемы, трудности, моменты?

– Ну, не такой уж я неопытный, – он грустно смотрит на последний кусочек печенья. – Ты будешь?

– Нет.

– Ладно. Пойду. Удачи тебе.

– Угу. Спасибо.

Не смотрю в его сторону. Он тихонько закрывает дверь, оставляя меня наедине с мыслями о предстоящем свидании.

А кусочек печенья так и остаётся сиротливо лежать на салфетке.

* * *

До сегодняшнего дня ездить на Монорельсе мне не приходилось. Просто некуда было, а бесцельно кататься я не люблю. Однако, когда вагон мягко качнулся, затем тронулся, назад поплыли дома, деревья, спешащие куда-то люди, я испытала совершенный детский восторг. Мягкие удобные кресла в вагоне, почти никого из пассажиров – это в час пик много, а вечером уже совсем свободно – тепло, уютно даже. И совсем не слышно стука колёс, как в обычной пригородной электричке, только негромкий шелест. Поэтому различимы любые звуки, разговоры, даже самые тихие.

Впрочем, в вагоне почти никто не разговаривал. Мы тоже сидели молча, смотрели в окно на проносящиеся зигзаги горящих фонарей, окон и окошек, моя рука лежала в ЕГО ладони, большой и горячей, мысли витали где-то за облаками, а душу переполняло счастье. Невозможно, странно было поверить, что всё происходит на самом деле, что это не

сон, не фильм, не роман. Ощущение чуда. И такое хрупкое, такое нежное, что страшно прикоснуться! Разбиться может от одного дыхания.

Я боялась. Боялась себя, боялась незнакомых чувств, боялась что-то неправильно сделать и всё испортить, нарушить красоту.

А в сердце пылал огонь. Горячо и больно.

Моя рука в ЕГО ладони, в сильных тонких, «музыкальных» пальцах.

Зигзаги света за тёмным окном. Рано темнеет. Осень!

Я бы ехала так и ехала, в ночь, в бесконечность. В тёплом покачивающемся вагоне. Когда ОН рядом. И больше ничего не надо.

От станции мы некоторое время шли по дорожке через рощицу к многоэтажным колоннам пригородного посёлка. При дневном свете, наверное, тут очень живописно, но сейчас, в темноте, слегка разбавленной светом фонарей, тихо, пусто и немного жутковато. Оттого, что незнакомо. Ориентацию я вмиг потеряла – куда возвращаться? Где станция?..

– Ты не замёрзла?

– Немного.

Он обнял меня за плечи. Теплее не стало, но стало уютнее и... безопаснее как-то. Так, обнявшись, мы и вошли в подъезд. Консьержка, пожилая тощая тётка, выбралась из своей стеклянной клетушки и подозрительно нас оглядела.

– Опять привёл?! – уперев руки в боки, преградила доро-

гу. – А после твоих свиданок вонь по всему дому! Ты что там жжешь, а?! Нет, ты что там поджигаеть??!

– Отойди, – тихо, но с ноткой угрозы произнёс Вальтер. – Не обращай внимание, – это уже мне.

Мы поднялись на площадку лифта, а тётка продолжала ругаться вслед и грозить, что вот-вот напишет куда следует. Слышно её было этажа через четыре.

Квартира у НЕГО была однокомнатная, хотя и просторная. Неприятная холостяцкая обстановка, но много аппаратуры, причём назначение иных блоков я и определить не смогла. Компьютер... Здесь я тоже специалист на уровне пользователя, но что дорогой и «навороченный» догадалась. Разве у программиста может быть «железо» среднего уровня?

Пока осматривала всё электронное великолепие, ОН что-то делал на кухне, а когда вернулся с двумя бокалами и запотевшей бутылкой шампанского, застал меня с фотографией в руках. Небольшое фото в стальной рамочке. Море, солнце, пляж, целующаяся парочка. В прильнувшей к НЕМУ блондинке я узнала Диану Подольскую, безутешную вдовушку. Только на этот раз она не походила на сушёную рыбу и выглядела вполне счастливой.

– Красиво, правда? – Он слегка улыбнулся. – Постановочный снимок. Фотограф убедил, что надо именно в таком ракурсе. Для журнала какого-то.

– А девушка?..

– Я её даже не знаю. Видел мельком. Модель какая-то.

– Угу, – я аккуратно поставила фото на полочку. – Однако, наличествует несомненный актёрский дар. У обоих.

– Может быть. Пойдём. – и легонько поцеловал моё ушко.

Усадил меня на стул с высокой резной спинкой, единственный, похоже, потому что самому хозяину пришлось довольствоваться табуреткой.

Приглушённый свет, ледяное шампанское, тихая музыка, обычная, без мента-графической обработки и не вызывающая потому у меня никаких зрительных образов. Почти никаких. Или то, что я видела в глубине сознания, рождалось совсем не музыкой?

Романтический вечер... Может ли что-нибудь быть прекраснее? В моей жизни – точно нет!

Голова слегка кружилась и не только от вина. Щёки горели. Я знаю, что румянец мне идёт, и надеялась только, что не пылаю совсем уж аки маков цвет. Особенно при мысли, как хорошо, что догадалась одеть сегодня изысканное итальянское бельё.

Он несколько раз сжал-разжал пальцы, отпил глоток из своего бокала. Потом спросил вдруг:

– Ты можешь кое-что сделать для меня?

«Спрыгнуть с крыши? – подумала я. – Скажи, с какой!»

– Что именно?

Щекам стало совсем горячо. Постаралась слегка остудить их, прижав ладони.

– Ты можешь внести мои данные в файл, где... ну, что там у вас? Куда вы вносите умерших.

В полумраке глаза его казались бездонными. И бесконечно прекрасными.

– Я хочу уехать, начать всё с начала с новым именем, новой биографией. Самый надёжный способ для этого... умереть. Для всех, кто меня знает.

Нашарила в сумочке платок, промокнула лицо.

– Зачем?!

– Мне надо исчезнуть. Навсегда. Чтобы кое-кто меня больше не нашёл.

Не понимаю... А, например, просто сменить имя? Если уж так надо и так важно.

– Этого недостаточно, – покачал головой. – Поверь.

– Но я не могу! – прошептала я. Ничего себе просьба! Я была готова к чему угодно, но только не к этому.

– Почему?

– Потому что невозможно для живого человека! Это не делается просто, одним нажатием клавиши! Сначала оформляется куча документов и анатомических протоколов...

– Я всё это знаю, но ведь может однажды произойти ошибка? Ну... что кого-то внесли в списки случайно?

– Нет. Такого не было... До сих пор. За это можно работы лишиться, если не хуже. И потом, клиент может в суд подать. За всю жизнь не расплатишься!

– В этот раз клиент в суд не подаст.

– Пойми, это нереально! Прости, но я...

– Угу, – кивнул он, о чём-то размышляя, потом снова поднял глаза, и я почувствовала, что тону в них.

– Но ведь ты – умница! И что-нибудь придумаешь? Для Меня.

– Я не могу!

– Если не сделаешь, однажды может случиться, что моё имя окажется в твоих протоколах на законном основании. А ты могла спасти, но ничего не предприняла.

Я молчала. Он встал, закурил, нервно бросил зажигалку на стол.

– Ты такой известный, талантливый... Как же...?

– Талантливый, – ткнул сигаретой в пепельницу, закурил новую. – И всем что-то надо. Каждый хочет кусочек... Эстетическая мента-графия – думаешь, ею можно на жизнь заработать? Абсолютно бесперспективно. Потому что мало людей, способных к синестезии, способных зримо увидеть и услышать замысел художника. Может, когда-нибудь, в далёком-далёком завтра... А жить-то хочется сегодня! Вот и случаются порой всякие глупости. Только зачем тебе всё знать?

– Во что же ты ввязался?? – Я сочувствовала ему, но чем помочь, не представляла, потому что то, о чём он просил, просто невыполнимо из-за нескольких степеней контроля и надзора над работой нашего отдела. Да и чисто психологически я бы не смогла перешагнуть барьер чудовищной лжи. Должен же быть другой выход! Не бывает задач с единствен-

ным решением.

Он смотрел на меня, смотрел – я чувствовала, хотя только разглядывала носовой платок, складывала, снова расправляла, не зная, как справиться с неловкостью и не поднимая глаз.

Он подошёл сзади, наклонился. Прядь волос щекотала мне щёку.

– Заведи руки за спину, – прошептал в ухо.

– Зачем? – удивилась я. И почувствовала, как он чем-то обматывает мне запястья.

– Не туго?.. Не хочу причинять тебе боль! Вообще предпочёл бы обойтись без крайних мер, но ты не оставляешь мне выбора.

– А в чём дело? Это игра такая? – я нервно хихикнула.

– Игра, – кивнул он. – Поиграем. Музыка послушаем. ТЫ послушаешь... А когда проснёшься, сделаешь то, что я прошу.

Он принялся включать своё оборудование, что-то подстраивал, ориентируясь на игру зелёных молний на мониторе компьютера.

– Я не могу! Сказала же, что...

– Сможешь, – он даже не повернулся.

– Отпусти меня, – постаралась высвободиться, однако пути мягко, но прочно удерживали на месте. – Мне не нравится эта игра. Отпусти!

ОН подошёл, отодвинул стол, присел предо мной на кор-

точки.

– Расслабься. Больно не будет. Ничего не почувствуешь. И ничего не вспомнишь. Только очень-очень захочешь выполнить мою маленькую просьбу. И придумаешь, как. Без труда.

– Ты... собираешься меня зомбировать что ли? – не поверила я. – Это противозаконно! И наказуемо! Независимо от времени совершения преступления? И легко доказывается, даже при полной амнезии пациента.

– Я в курсе, – кивнул он. – И не собираюсь тебя гипнотизировать или ещё чего в том же духе. Ты просто послушаешь сейчас кое-что, одну небольшую вещичку. Полчасика, не больше. И станешь покорной. И никакой гематологический анализ не обнаружит патологии. Знаешь, в чём тут секрет? В том, что ты добровольно всё сделаешь. Ты сама примешь решение! Понимаешь? Сама! Не по принуждению. А собственная воля не вносит изменений в состав крови.

Я не верила ушам. Не верила в происходящее.

– Потом, правда, у тебя страшная депрессия начнётся, – он досадливо качнул головой. – Но это побочный эффект, пока что не устранимый. И может, ты справишься и не кинешься с моста. Мне стало бы грустно.

– Подольский! – прошептала я. – Вы ведь были знакомы – я читала дело. И у него началась неожиданная прогрессирующая депрессия. Вдруг. У вполне здорового психически мужика... Ты его привязал к стулу и... тоже...?

– Сукин кот, – процедил сквозь зубы. Даже не попытал-

ся отрицать факт знакомства, как, например, с фотографией. Или действительно скоро ничего помнить не буду о сегодняшнем вечере, так какая разница? – Угрожать мне осмелился.

– Остановись, пока не поздно.

– У меня нет выбора, милая. Ты проведёшь замечательную ночь. Будешь видеть во сне меня, – он улыбнулся углом рта.

– Диана Подольская дала разрешение на повторный анализ, – сказала вдруг неожиданно для себя. Надо же! Не подозревала, что способна к блефу!

Он замер на миг. Потом глянул вопросительно. Я вздохнула сожалеюще и опустила глаза. Сейчас рассмеётся и скажет «ну и что?» или «а кто это?».

– В крови её мужа обнаружено изменение, свидетельствующее о недавнем гипнотическом воздействии. Новая методика исследования. Результат официально зафиксирован в деле. Протокол 30. Можешь запросить копию. Вот это я устрою запросто.

– Идиотка! – прошептал он. – Дело же закрыли! Какая идиотка!.. Или ты лжёшь.

– Как всё произошло? – я уже не могла остановиться; обида, досада, слёзы кипели во мне и готовы были выплеснуться наружу. – Муж застал вас репетирующими фотосессию? И нечаянно умер. А потом – вот удача! – подвернулась я с возможностью хитро замести следы?

Он, сузив глаза, смотрел на меня какое-то время, потом вдруг улыбнулся. Волшебная, чарующая улыбка очень красивого мужчины!.. Не будь в ней столько яда.

– Я больше не сомневаюсь. Ни в чём. И ни о чём не жалею... А тебе понравится. Это прекрасно. И будет замечательным завершением сегодняшнего вечера.

Зазвучала музыка, и в моём сознании запольхали картины живого цвета, как совсем недавно на концерте.

– Наслаждайся.

Он отрезал кусок пластыря и аккуратно залепил мне рот.

– Чтоб не кричала. Хотя всё равно никто не услышит. Но так спокойнее.

Надел куртку.

– Я тебя покину ненадолго. Мне ЭТО нельзя слушать. Я ведь очень сильный синестетик. Погуляю пока...

– А вот это вряд ли! – в проёме распахнувшейся настежь двери возник Дрошнев в сопровождении двух парней в камуфляже. Выдержал эффектную паузу. Тоже мне, майор Пронин!

– Гражданин Берг Вальтер Макс, вы арестованы по подозрению в убийстве гражданина Подольского Д. О. и покушении на убийство гражданки Креповой А.Н.

Один из амбалов надел на него наручники.

– Ваш разговор от начала до конца записан. По разрешению прокурора. Вот санкция. Запись вместе с уликами будет приобщена к делу, копия – предоставлена вам в ходе след-

ствия, – скучным голосом продолжал бубнить Дрошнев.

– Записан? Как?! Почему? Кем?! Или... – кумир мой оглянулся и усмехнулся горько. – Ну, ты и штучка, оказывается...! А ведь нравилась мне.

– Топай, топай! – подтолкнул его Дрошнев. – Ты такую девушку не заслуживаешь!

* * *

Рывком содрал пластырь со рта.

– Полегче! – я постаралась не зашипеть от боли.

– Извини. – оглянулся в поисках чего-то. – У меня ножа нет. Чем разрезать-то? Верёвки. Где у него кухня?

В голове у меня пылали, кружились смерчи разных цветов и оттенков, вытягивались в струны, скручивались в сферы и живые жгуты. Томительно-сладкая музыка затягивала в ласковые, тёплые тенёта, обессиливала, усыпляла.

– Сергей! – попробовала крикнуть, но громче сиплого шёпота не получилось.

– Сейчас! – отозвался он из кухни. Услышал-таки!

– Быстрее!..

– Иду!

– Запись выключи!!

– Ах, ты! – спохватился он. – Какой же я идиот! Прости, пожалуйста!

И защёлкал клавишами. Светодиоды на аппаратуре подмигивали зелёным, музыка гремела. В комнате и в моём сознании.

– Где ж тут выключается?! – занервничал Дрошнев. Потом в сердцах дёрнул шнур из розетки. – Да ну его!

Метнулся ко мне, освободил руки.

– Ты как? Всё в порядке?

Я вытерла ладонями лицо от слёз, а они всё равно текли и текли, очищая душу мою от боли и разочарования, пробуждая, возвращая в мир.

– Ты плачешь?? – Дрошнев стоял предо мной на коленях, потом обнял, прижал мою голову к своей широкой груди, а я продолжала всхлипывать, орошая его рубашку горячей солёной влагой своего горя.

– Прости, что втянул тебя.

– Нет, – я отстранилась, наконец. – Ты не виноват. Это я вела себя как последняя...

– Ты молодец. Так держалась!

– Я вот одного не понимаю, – окончательно перестала плакать, вытерла глаза. Выглядела, наверное, ужасно! – Почему на НЕГО музыка не действовала? Пока писал, наслушался бы вдоволь.

– Он же уйти хотел, чтоб не слышать. Значит, действовала. А писал – так то ж программу, нули-единицы. Сама по себе программа и сама по себе мелодия безвредны. А вот симбиоз!.. Надо ж так скомпоновать! Чтоб человека убить.

Он покачал головой.

– Изошрённая месть!.. А мотив стар как мир – деньги! Или женщины. Или и то и другое. Скучно.

– А Подольская дала разрешение на повторное исследование?

– Нет. Только теперь её согласия не потребуется, потому что она по делу будет проходить как соучастница. Берг записал для неё диск с мента-графической программой, дал послушать. С неё-то как с гуся вода – она ноту фа от си не отличит – полное отсутствие музыкального слуха. А у супруга с этим оказалось всё в порядке. Диск Берг потом забрал и уничтожил. Знаешь, каким образом?

– Разбил? – предположила я.

– Ха! Тундра ты! Диск с голографической матрицей можно восстановить по миллиметровому осколку! Нетушки! Самый надёжный способ – в микроволновке прожарить.

Он хохотнул.

– Вони только потом!.. Слушай, а давай сходим, знаешь, куда? На концерт балалаечников. Я афишу видел. Там среди прочего штука есть такая – бас-балалайка, огромная, с письменный стол. Представляешь, как круто! А главное – только одна музыка, чистый натуральный звук и никакой компьютерной чертовщины!

– Отвези меня домой, Серёж, – устало попросила я.

* * *

Настроение совершенно гнусное. Ничего не хочется делать. Только жалеть себя и рыдать в подушку. Уже несколько дней пребываю в депрессии, но думаю, дело не в колдовской музыке. Не так уж долго я её слушала. Дело в другом... А

значит, пройдёт.

Мы с Милкой пьём кофе.

– Как поживает твой физик?

– Да ну его! – отмахивается Милка и откусывает пирожное. – Кроме торсионных полей не знает ничего, и ничего ему не интересно. Скукота и никакой романтики. А у тебя как? С твоим?

– Никак, – смотрю в окно на бесконечный дождь. – Не мой тип. Как оказалось.

– Ну и правильно, – неожиданно соглашается подруга. – Мы тебе – ого! – какого найдём! Лучшего из лучших! Самого красивого!

В дверь просовывается взъерошенная голова Дрошнева.

– Девчонки, можно к вам? Мама пирог испекла...

И улыбнулся. Виновато-виновато.

Егерь

– Девчонки! – Серёга Дрошнев, взлохмаченный как всегда и как всегда вид имеющий обладателя великой тайны уровня не ниже всепланетного, прервал наш ежеутренний кофейный моцион. – Девчонки, я тут подумал, а не метнуться ли нам в выходные на пикник за город?

– Мысль, конечно, свежая и интересная, – скучно заметила Милка, помешивая ложкой в своём бокале. – Особенно если учесть начавшийся период дождей...

– В субботу солнце будет! Гарантирую! – пообещал Дрош-

нев. – У меня в метеобюро свой человек есть. Обещал включить... Так как, Тонечка?

Я пожалала плечами. Планов особых не было, таких, во всяком случае, ради которых следовало отринуть любую стороннюю мысль.

– Можно в принципе.

– Отлично! – обрадовался Серёга. – Я бадминтон возьму. Свежий воздух, птички, – что может быть лучше? А то вы тут закинете совсем за компьютерами...

– Дрошнев! – оборвала его Милка.

– ... в Морге, – зловеще прибавил он. – Значит, в субботу в десять. Встречаемся у супермаркета. Форма одежды – спортивно-нарядная. Помидоры и мясо для шашлыка за мной, хорошее настроение и умопомрачительно прекрасный вид – за вами.

– Ты категорически не хочешь ехать? – спросила подругу, когда шаги Дрошнева стихли в коридоре.

– Почему категорически? Не хочу? – Милка откусила эклер, прожевала, запила кофе. – Совсем наоборот. Но надо же имидж поддерживать! Чтоб не подумал, я, мол, только свистну...! Хотя нужна ему только ты – это ясно. Я уж так, за компанию. Интересно, он догадается приятеля пригласить?

Она мечтательно улыбнулась.

– Такого высокого красавца. Я его прямо вижу – тёмные волнистые волосы, одна элегантная седая прядь над виском; мужественного, но с поэтичной натурой...

– И белым конём в стойле? – хмыкнула я.

– Лучше с яхтой, – уточнила она и вздохнула. – Живём как-то уныло... без огонька. Каждый день – одно и то же. Никаких впечатлений.

Взглянула на горшок с засохшим цветком.

– Вон, даже бальзамин от тоски завял.

– Давай возьму реанимировать.

– Возьми. Если ему ещё что-то может помочь!.. Ну, Дрошнев, не пригласишь красавца...! Однако лучше не мечтать, а то такое намечается!..

– Верно, – я сгребла со стола свои бумаги, подхватила цветочный горшок. – Пойду. До субботы ещё дожить надо.

В полупустом (а у нас народу много никогда не бывает; тех, кто сам приходит, естественно) вестибюле колоритный дед, весь седой, заросший, дремучий какой-то, что-то втолковывал охраннику, держа на весу левую руку, замотанную не то в шарф, не то в шерстяной платок.

Я остановилась. Дед заметил.

– Дочка, – шагнул навстречу, но охранник перегородил путь.

– Дедуль, ну, ты же к нам не по адресу! – Хохотнул. – Пока ещё.

– А что случилось?

– Дочка, – дед юркнул под рукой нашего бритоголового цербера. – Не принимают меня в клинике. Говорят..., – мах-

нул здоровой ладонью, – А, ну их всех! Может, вы меня примете, а?

Я заметила на платке пятна крови.

– Что это с вами??

– Я ему говорю, езжай в больницу, – вмешался охранник, – а он ни в какую! У нас же не медучреждение! И что делать прикажешь?

– Пойдёмте, – я взяла дедушку под локоть и повела к Милке. Толкнула стеклянную дверь.

– К тебе клиент.

– Н-да? – Милка кинула на нас взгляд исподлобья, продолжая что-то писать в длинном бланке. – К нам клиенты уже своим ходом приходят?

– Не остри. Помоги человеку. Садитесь вот сюда.

Усадила деда за соседний стол, под лампу.

Милка вздохнула, отложила свою писанину, подошла.

Оглядела деда.

– Тонь, сделай ему крепкого сладкого чая, а то что-то бледный.

Принялась разворачивать стариковскую культу. Брезгливо затолкала платок в пластиковый пакет.

– Гос-с-поди! Кто это вас так?!

Я мельком глянула на его руку – всю в рваных кровавых полосах и отвернулась, заваривая чай в полулитровый гостевой бокал.

–оборотник, – охотно пояснил дед. – И так ведь ушёл,

проклятый. Хорошо руку не откусил! Да я сам виноват – расслабился, внимание утратил. А он тут из кустов и выметнулся! Ну, ничего, ничего! Посмотрим ещё, чья возьмёт.

Мы с Милкой переглянулись.

– Вот чай, – я поставила бокал на стол с лампой. – Пойду, пожалуй. Работы много.

У нас привыкаешь к любому зрелищу (со временем, конечно!), однако вид сверкающих металлических лотков с иглами, пузырьки и склянки с жидкостями, шприцы и прочие медицинские атрибуты никогда не вызывали у меня ни интереса, ни восторга, поэтому постаралась ретироваться, как только отпала нужда в моей помощи.

– Благодарствую, – чинно отозвался дед, в то время как Милка колдовала над его рукой.

– Да не за что, – пожала плечами. – Я-то ничего не сделала.

– Будете в Золотом Яре, заходите в гости! Непременно заходите! Спросите Матвеича. Там меня все знают, дом покажут.

– А-а... Обязательно. Спасибо.

Прикрыла тихонько дверь. Не знаю я никакого Яра у нас в округе и, уж конечно, в гости к незнакомому странному старику не собираюсь.

В кабинете аккуратно разложила документацию, которую предстояло разобрать, потом осторожно вытащила увядший стебелёк из кома сухой земли, поставила в стакан с водой. Вдруг оживёт? Чудеса ведь случаются! На том и закончилась

подготовка к последнему на неделе трудовому дню, когда, признаться, и работать не очень хочется, а мыслями уже – в предстоящей поездке. Что взять с собой, что одеть? И всё такое прочее.

Подруга потом зашла, ответствовала, что деда заштопала, ввела противостолбнячное, после чего тот и отбыл. В неизвестном направлении. Даже от денег на дорогу отказался.

А рано утром в субботу мы с изнывающей Милкой – она терпеть не может ждать, предпочитая, чтобы ждали её и утверждая, что именно так должны поступать истинные леди! – фланировали у входа в супермаркет, высматривая машину Дрошнева. Подкатил он, конечно, совсем с другой стороны. Любит человек эффекты, что поделаешь?

– Девчонки! – гаркнул радостно, выбираясь из старенького «ниссана». – Какие вы красивые!

Чмокнул меня в щёку. Милка не потерпела бы подобной фамильярности и протянула для поцелуя руку, к которой Серёга, шаркнув ножкой, чинно приложился.

– Красивые, – проворчала Милка. – Только и успела, что маникюр обновить.

Но это она так, для проформы, потому что выглядела идеально. Как всегда. При природной грации и умении носить вещи даже оранжевая жилетка дорожного рабочего на ней выглядела бы вечерним туалетом. Я в этом плане значительно проще, да и вообще мало значения придаю внешнему лоску – только в пределах необходимого.

Дрошнев забрал у нас сумки, положил в багажник, а мы тем временем втиснулись на заднее сиденье машины.

– Здорова! – незнакомый, плотного телосложения лысый парень, сидящий спереди, оглянулся, протянул руку. При этом он активно и со вкусом что-то жевал. – Я Феликс.

– Эдмундович? – сощурилась Милка. Когда она так делала, становилась похожей на лису из сказки, но это же являлось признаком лёгкого презрения, что уже не давало кандидату ни единого шанса.

– Не-а, – ухмыльнулся парень. – Петрович. А чё?

Протянул початую пачку жевательной резинки.

– Будешь?

– Благодарю, – тонко улыбнулась подруга. – Не курю.

– А ты?

Я покачала головой.

– Ну, как знаете, – парень отвернулся.

– Познакомились уже? – Сергей сел за руль, включил зажигание. Мотор взрыкнул.

– Наполовину, – Феликс высыпал в рот пакет карамельных шариков, захрустел довольно. – Зато на главную.

Милка фыркнула.

* * *

Мы миновали город, пару часов ехали по шоссе, а затем свернули на просёлочную дорогу, сухую, местами даже ровную, поросшую травой и цветами по обочинам и посередине, между полосами земли, укатанными автомобильными шина-

ми.

– Где это мы? Что за глушь?!

– Скоро приедем, Людмилочка, – заверил Дрошнев. – Местечко – просто супер!

– Долго, – проворчала Милка. Вид имела слегка бледный – дорога её укачала.

– Тебе скучно? А попроси Феликса спеть. Он, знаешь, как поёт! Карузо! Паваротти!

– Да ну? – Не поверила она. – Хорошо. Пусть споёт. Если умеет.

– Вам из репертуара какой группы? Что предпочитаете? Классику? Рок? Полифонию? – радостно отозвался лысый парень. – Я ещё мента-графическую музыку люблю. Знаете, что это такое?

Мы с Милкой переглянулись.

– Только не мента-графию, – попросила я. – Что-нибудь попроще. И по-русски.

– Ага! – И запел хрипловатым баритоном. – Ла-ла-ла! Ла-ла-ла!

– Это что, по-русски?!

– А по-каковски? – Обиделся певец. – Конечно! Истинно по-русски.

– Продолжайте, маэстро, – вздохнула Милка и прикрыла глаза.

Так, под разудалую песню из серии «что вижу, о том и пою» мы какое-то время катили по ухабам и рытвинам, а за-

тем остановились. По собственной и непреклонной воле машины. Дрошнев несколько раз тщетно пытался завести двигатель, потом вылез, буркнув что-то ругательное, полез под капот.

Полевые цветы и травы источали запах мёда и лета. Какие-то птички звонко посвистывали в листве густого кустарника. Прохладный ветерок гнал облачка по невероятно синему небу.

– Приехали. Выгружаемся, – мрачно скомандовал глава экспедиции. – Боюсь, что надолго. Девчонки, что-нибудь поесть сообразите? Костерок организуем быстро... Феликс! Хворост за тобой. А я ремонтом займусь.

– И-эх! Силушка молодецкая! – рывкнул Феликс и подхватил толстый берёзовый ствол.

– Хворост, – покачал головой Дрошнев, – а не бревно для лесосплава, дружище!

Милка со стоном сползла с сиденья.

– Мне надо проветриться. И умыться бы. Тут вода есть где-нибудь?

– Воды нет, – бодро заметил Сергей. – Может, родник поищете? Поблизости. Наверняка есть. Заодно и прогуляетесь. Только далеко не уходите.

Рассудив, без особой уверенности, правда, что дорога должна рано или поздно привести к какому-нибудь островку цивилизации, а значит, возможной помощи, мы с Милкой отправились в путь. Не спеша и стараясь не думать, что до

ближайшего жилья может оказаться километров и десять, и двадцать.

– У моего мобильного села батарея, – ворчала подруга, – но наверняка, в этой глуши и сети-то нет.

– В кои-то веки выбралась на природу, – возразила я, – Так и наслаждайся! Тишиной и первозданностью. Бог с ним, с мобильником!

– Мы тут можем и до ночи наслаждаться! Если Дрошнев свою колымагу не починит. Как думаешь, он справится?

– Конечно, справится, – вот в этом я как раз не была уверена, но из любой ситуации всегда есть выход, утверждал мой папа, а уж ему следовало верить. По его рассказам он в таких передрыгах побывал и выходил невредимым, – хватило бы на три жизни! Не знаю, где в его историях правда, а где... лёгкий вымысел, но папа никогда не унывал и не терял присутствия духа. Даже в день появления на свет меня, а не страстно желаемого сына.

Мы неторопливо шли около получаса. Я пыталась развлечь подругу разными историями, но она позитивно не реагировала.

– Не хотелось бы тут застрять, – бубнила недовольно. – Я ж не могу без вечерней ванны! Тут ещё и, небось, комары! А то и змеи!

– Точно, – кивнула я. – Горынычи. Со слона, не меньше.

– Тебе смешно... Ой! Каблук сломала, – пискнула Милка.

– Оторви и второй! – посоветовала ей. – Ты куда собира-

лась в таких туфлях? На бал во дворец?!

– В бадминтон играть, – буркнула она. – Слушай, а мы не заблудились? Ты дорогу назад помнишь? Где дорога-то? И ребят не слышно. Ау! Дрошнев!! Эдмундович!!

А в ответ тишина – совсем как в старой песне. И дорога действительно пропала. Когда мы только успели сойти с неё? Похоже, что давно, потому что вокруг шумел густой ельник, а не пронизанный светом редкий пролесочек, сквозь который всё хорошо просматривалось на километр, не меньше.

Милка уселась на пень, вытряхнула песок из одной туфли и вдруг заплакала. Мне стало её жалко.

– Ты чего?! Ну, перестань, дорогая, всё образуется! Посмотри, как красиво вокруг, как здорово! Воздух какой!... У тебя тушь потечёт! – вот это было беспроегривно. Она тут же перестала всхлипывать, достала платочек, аккуратно промокнула глаза.

– Нормально? Не размазала?

– Всё хорошо, – заверила я.

– И вон за деревьями крыша какого-то дома видна.

– Где?!

– Метров пятьсот. Дойдёшь?

– Пошли! – Милка решительно встала.

Честно говоря, я не была уверена, что дом мне не показался. Когда порыв ветра чуть наклонил дальние берёзы, действительно в просвете между густыми ветвями мелькнуло что-то, напоминающее крышу, но кто его знает, что там на

самом деле?

Неожиданно сзади раздался треск, и словно кто-то со стоном выдохнул. Из-за деревьев появился рослый парень в длинной, до колен, рубашке необычного фасона – скорее уж то был балахон с глухим воротом и застиранный до полного отсутствия цвета. Перехваченный на поясе лохматой верёвкой, балахон оказался единственной одеждой незнакомца. Голые, испачканные землёй жилистые ноги смотрелись как-то... неприлично. Кроме того, парень стоял, чуть наклонив вперёд корпус и вроде как на носках – странная и неудобная поза, но он, похоже, чувствовал себя вполне комфортно и устойчиво, словно изображать пародию на динозавра ему с рождения – одно удовольствие. Сходство с древней рептилией подчёркивали ещё и согнутые в локтях руки. Только у ящеров явно не было спутанных волос, длинными сальными прядями разбросанных по плечам.

– Э-э-э... здравствуйте, – первой отреагировала Милка. – Не подскажите, тут жильё есть поблизости? Нам бы воды. И... что это за местность? Мы немножко заблудились... Как называется? Чтоб по карте сориентироваться...

Парень впери́л в меня взгляд, молча смотрел с улыбкой, похожей на оскал, потому что глаза совсем не улыбались. И улыбка – не улыбка, а скорее просто чёрная щель меж открытыми губами.

– Алё! – Милка пару раз щёлкнула пальцами, привлекая внимание странного незнакомца. – Тут цивилизация есть?

Посёлок?

Парень мельком глянул на неё.

– Зэмла Злато Ярэ, – медленно произнёс низким надтреснутым голосом и опять уставился на меня.

– Чего? – переспросила подруга.

– Думаю, он говорит Золотой Яр, – перевела я. Не по себе было под пристальным непроницаемым взглядом. Да ещё этот оскал! Фу! – Помнишь, деда ты лечила на днях? Он обмолвился, что живёт где-то здесь.

– А-а! Ну, как же! Михалыч! Или нет. Михеич! Да, Михеич.

– Матвеич.

– Точно. Михай Матвеич. Не подскажите, любезный, – в Милкином голосе зазвучали королевские нотки, – тут где-то живёт наш знакомый...

– Дэ сахарна, тай булка, – парень улыбнулся шире, и я заметила в его рту желтоватые клыки. – Х-ха-а! – выдохнул он.

Милка брезгливо поморщилась.

– Ты что ел-то сегодня?! Конский навоз?!... Тонь, пойдём отсюда, а?

Парень неуловимо быстро переместился в пространстве, снова оказавшись перед нами. Расставил руки, преграждая путь. Я заметила вдруг, что он стоит совсем не на носочках! То, что приняла вначале за пятку, оказалось просто суставом небольшой, торчащей назад кости, которая заканчива-

лась укороченной ступнёй с тремя когтистыми пальцами.

– Тай оглобля прочь, тай булка останэ.

Ну и голос! Не то хрип предсмертный, не то треск ломающегося ствола!

– Это кто – оглобля??! – рассвирепела Милка. На сей раз переводить не пришлось; она прекрасно поняла, что её утончённость (во всех смыслах!) не поразила мужское воображение. Пусть даже мужчина и не мужчина вовсе, а урод несусветный.

– Ах ты, хам! Ну, я тебе покажу оглоблю! – она огляделась вокруг в поисках подходящего орудия наказания.

Парень наклонился ещё сильнее и вдруг начал меняться. Лицо удлинилось, обросло жёсткой чёрной шерстью, глаза сузились, полыхнули красным огнём, уши вытянулись, заострились, – одно оказалось надорванным.

Однако в волка он не превратился, оставшись двуногим существом с гривой на взгорбившейся холке, выпирающими из пасти клыками и волосатыми когтистыми конечностями, в кои трансформировались руки.

Пасть монстра разверзлась, изрыгнув короткий рык.

– Бежим!! – крикнула я, подхватив Милку под локоть.

В небе гроыхнуло, потемнело и сразу, стеной, хлынул ливень. Погода – прощай, причёска, как сказала бы царица наша от медицины. Не сказала, конечно, но подумала наверняка!

Мы припустили через лес, не выбирая дороги, разбрызги-

вая воду и чувствуя совсем рядом зловонное дыхание чудовища, оборотня из страшной сказки. Разум отказывался верить, что такое бывает на самом деле, но вон же оно, совсем рядом всхрапывает и в отличие от нас, кажется, мчаться может сколько угодно.

С такой скоростью, да ещё по пересечённой – очень пересечённой ёлками, ветками, кочками и ещё бог знает, чем! – местности я никогда не бегала. И вскоре почувствовала, что задыхаюсь. Сердце колотилось где-то в горле, и даже страх больше не подгонял, а я ведь и без того совсем не спортивна.

Вдруг возле лица что-то свистнуло, пронеслась мгновенная чёрная тень. Ни разглядеть не успела, что это, ни сообразить, ни испугаться, – хотя куда уж больше?! Но от неожиданности споткнулась и кубарем полетела на размокшую землю. Раздался короткий злой вой, перешедший в визг и тут же резко оборвавшийся. Опять гроыхнуло.

Я ожидала, что вот сейчас сзади набросится волосатая когтистая туша, начнёт рвать в клочки, а потом родное заведение примет меня в качестве законного клиента. Если останется, что принимать... Сжалась, приготовившись к концу.

Мучительные секунды тянулись и тянулись. Ничего не происходило.

Ливень перестал, иссяк так же быстро, как и начался, лишь слегка шелестел в листве мелкой моросью.

Я рискнула поднять голову, оглянулась. Тихо вокруг, спокойно. Пожалуй, можно и встать... Грязь чавкнула, выпус-

кая из объятий. Неподадёку зашевелилась Милка, всхлипывая, на четвереньках подползла ко мне.

– Что это было, а? Ты что-нибудь понимаешь?

А вот преследователь наш бесформенной кучей лежал в паре метров позади и не подавал признаков жизни. Более того – из его горла торчала длинная чёрная стрела, из полукруглой пасти текла струйка бурой крови, остекленевшие глаза тупо уставились в небо. А чуть в стороне стоял стрелок в необычном костюме – высоких сапогах, старинном каком-то камзоле и охотничьей шляпе, напоминающей тирольскую. Для нас с Милкой время растянулось едва ли не в часы, а он даже ещё лук не успел опустить – настолько быстро всё произошло.

Охотник подошёл к трупу монстра, пнул его, хмыкнул довольнo. Потом развязал кожаный мешочек на поясе, зачерпнул горсть серого порошка и, что-то ритмично бормоча, равномерно сыпал тело. Зашипело, взвился едкий дымок, и оборотень – о, продолжение кошмара!! – начал, потрескивая, тлеть и превращаться сначала в скелет, а после – в горку золы. Всё ещё бормоча, охотник перемешал сапогом пыль с грязью, удовлетворённо хмыкнул. Потом глянул, наконец, на нас.

– Ну, здравствуйте, девицы! Вот и свидетелись!

Стоило ли удивляться ещё чему-то сегодня? После пережитого? Вот я и не удивилась, узнав в средневековом лучнике жалкого дедушку Матвеича, явившегося к нам с раненой

рукой.

* * *

– А что это... Что произошло?? – Милка, бледная как мел (участками тела, оставшимися не замазанными грязью), переводила взгляд с кучки пепла на деда. Впрочем, дедом его можно было назвать с натяжкой. Крепкий, подтянутый мужчина лет шестидесяти с задорно поблёскивающими глазами, аккуратно постриженной седой бородкой. И совсем не дремучий, как мне показалось при первой встрече. Да ещё лук в руке, почти в его рост, даже по виду тяжёлый и внушительный, покрытый тонкой резьбой. Впрочем, Робин Гуд на заслуженном отдыхе. А то и не на отдыхе, учитывая недавние события.

– Что произошло, то уж кончилось, – хитро сощурился помолодевший дед. – А вы здесь по делу? Или в гости?

– Мы тут... – Милка приосанилась – до чего быстро она умеет реагировать на ситуацию! Меня так до сих пор трясло. Её, впрочем, тоже трясло. И голос дрожал. Слегка. – Мы... воду искали.

Королевским жестом отбросила со лба мокрую прядь.

–А-а, – улыбнулся широко. – Понятно. По делу, значит. Но, если не очень торопитесь, может, зайдёте? Не смею настаивать, но у меня банька с утра истоплена, а вы слегка замёрзли.

– Зайдём? – подруга оглянулась. Умыться и привести себя в порядок, было бы совсем нелишним. Я молча кивнула

– чувствовала, что голос ещё не повинуется. Страх тоже пока не отпустил, но дед вызывал, скорее, ощущение покоя. И тепла. Да! От него явственно струилось тепло, ощущаемое даже на расстоянии.

– Прошу за мной, барышни.

Шёл он легко, спортивно, а мы увязали по щиколотку, с трудом вытаскивая ноги из липкой грязи. Милка сняла туфли, опасаясь потерять их – итальянские! Как они не слетели с ног, когда бежала от оборотня, уму не постижимо!

На большой поляне, окружённой вековыми елями, высился двухэтажный не дом, – терем! Сложенный из толстенных брёвен, украшенный искусной резьбой, крытый черепицей, он смотрелся совершенно сказочно, нереально красиво, отливая янтарём в закатных лучах. Чуть в стороне стояла избушка поменьше, поскромнее, в один этаж – или поверх, как правильно-то? – с открытой дверью.

– Это баня? – спросила Милка. Меня? А я откуда знаю? Может, домик для гостей? В княжеские-то палаты, чай, не всех пускают?

Из домика, гремя цепью толщиной в руку, выметнулся лохматый пёс, ростом с молодого льва. С радостным визгом кинулся к охотнику, привстал, бросив передние лапы тому на плечи, причём голова пса возвысилась над дедовой.

– Отадэ, Рык, – Матвеич потрепал его по холке. – Отадэ.

Гулливер собачьего племени неохотно оставил хозяина в покое и переключился на нас. Уставился оценивающе. Мил-

ка вцепилась мне в руку.

– Я боюсь собак, – процедила сквозь зубы.

Домашнее чудовище зевнуло, продемонстрировав полную острейших зубов акулью пасть, и лениво ушло в свои апартаменты. Десять метров цепи медленно втянулись вслед за ним внутрь.

– Будка! Так это будка!.. И глянь, Оно даже тьякнуть не удосужилось! Мы для него – тьфу! Ничтожества!

– Ну, что ты кипятишься, – постаралась успокоить подругу, хотя и понимала, что её возмущение – просто выброс нервной энергии, разрядка, и на самом деле ей глубоко безразлично, что о нас подумал хозяйский пёс. – Он же видит – две промокшие девушки; опасности нет. Вот если б ты пошла на него в атаку с каким-нибудь дрыном, думаю, он слегка бы удивился.

Плотная тёмная туча медленно ползла над елями в сторону севера. Подсвеченная снизу жёлтым, выглядела угрожающе, даже лишившись уже части своей силы. Холодный ветер унёс остатки тепла. Я так замёрзла и устала, что выпрыгни из кустов ещё какой-нибудь монстр, уже не поразила бы и не испугалась. Но никто не выпрыгнул, к счастью, а хозяин главного терема препроводил нас в терем поменьше, третий, оказавшийся на сей раз действительно баней, настоящей, с печью-каменкой, со жбаном кваса, который полагалось плескать на раскалённые камни расписным ковшиком-уточкой!

Я никогда до этого не была в... подобном заведении. Думаю, и Милка – тоже. Не знаю, по правилам мы парились или что-то делали не классическим способом, только выползли оттуда чуть живые, разгорячённые, с ощущением свалившегося с плеч тяжеленного груза. Не зря ж говорят, что все страхи и прочие переживания разом смываются в бане!

И сколько времени прошло? Вроде, совсем немного, а на улице густая тень скрыла лес, собачью будку, и видно было только то, что попадало в свет, льющийся из окон терема. (Светились изящные фонари на стенах, наглухо забранные плафонами. Что там внутри горело, я так и не поняла)

В предбанничке на лавке лежали две простыни, у окошка на столе красовался исходящий паром самовар, пара литровых чашек с блюдцами, расписанных маками, печенье-варенье в вазочках, свежий хлеб, яблоки, лоснящиеся тугими красными боками. Только взглянув на это изобилие, я поняла, насколько проголодалась. Милку тоже дважды звать не пришлось, и мы принялись за трапезу.

– Что делать-то будем? – спросила подруга, прожевав очередной кусок огромного бутерброда с вареньем. Ей хорошо – калории не откладываются на боках лишним жиром, а вот мне...! Но сегодня решила изменить правилам строгой диеты. Экстремальный день требовал экстремального восполнения энергии.

– В смысле?

– Дрошнев, наверное, уже с конной милицией и собаками

округу прочёсывает.

– Думаешь? – Я посмотрела в окно на лес, затянутый непроницаемой мглой. – Как-то быстро стемнело, не находишь?

– И как-то легко мы заблудились! На двадцать метров отошли, и дорога пропала.

– А где были защитнички, когда за нами тот урод гнался? Не слышали? Как мы вопили на весь лес, не слышали? Дед ведь услышал!

– Но Серёга всё равно нас убьёт, – покачала головой Милка. – И будет прав.

– Разберёмся, – буркнула я. – Завтра утром.

– А хозяин не попросит нас отчалить?

– Куда?? В ночной лес, где чудовища бегают?! И одежда у нас мокрая... Нетушки! Я тут останусь, если что. Прикорну на лавочке.

В дверь постучали. Вошёл хозяин в льняной рубахе, вышитой красными стилизованными петухами, таких же изукрашенных штанах.

– С лёгким паром, барышни! – улыбнулся широко, открыто. – Извольте в горницу пройти. Не откажитесь отужинать со мной.

– Как отужинать? – удивилась Милка. – А это что было? Кивнула на стол с остатками трапезы.

– Это всего лишь чай. После баньки полагается.

Положил на лавку небольшую стопку белья.

– Уж не обессудьте, ничего более подходящего для девиц у меня нет. Но рубахи длинные, вам удобно будет. А к утру и ваше просохнет.

Белоснежные, из натурального льна, вышитые теми же пестухами рубахи пахли почему-то мёдом и хвоей. Великоваты оказались. Даже мне, а уж Милка в своей и вовсе выглядела цыплёнком с тонкой шейкой.

Из бани крытая галерея вела сразу в дом. По массивной лестнице с перилами, украшенными резьбой, поднялись на второй – жилой – этаж. (Первый – это склад и погреб, как я поняла). В просторной комнате с большими окнами, с камином, стоял массивный стол, три стула с высокими ажурными спинками, на полу – домотканые половики. И всё, собственно, вся мебель.

В камине горел огонь – для уюта, как пояснил хозяин, стол ломился от яств. Наличествовали блины с икрой, блюдо с жареными тушками каких-то мелких птиц, огромная щука в мозаике овощей, фрукты, соленья, – не скажу рота, но взвод голодных парней накормился бы сполна. А тут мы, всего лишь втроём!..

– А где же ваша хозяйюшка? – поинтересовалась я. – Или всё это, – обвела рукой стол, – вы сами?!

– Не сам. Есть у меня помощники. А вот женой не обзавёлся, не довелось. Да и работа такова, что сегодня здесь, завтра – там. Неделями дома не бываю. Какая жена это потерпит?

– Ну, не скажите! – возразила Милка. – Наверное, вы просто не встретили девушку своей мечты.

– Может, и так, – охотно согласился Матвеич.

– А что у вас за работа? – рискнула поинтересоваться я.

Он улыбнулся, глянул лукаво.

– Брожу по лесу, слежу за порядком. Чтобы зверьё не баловало. Сверх установленных рамок.

– А то – что?

– Наказываю.

– Как сегодня? – Милка оставила ложку, положила руки на колени. Охотно верю, что воспоминания о пережитом отбили у неё желание есть.

– И как сегодня – тоже. Я ведь дурака того дважды предупреждал, чтоб вёл себя прилично, а ему, вишь, кровушки восхотелось... Только давайте не будем дурное вспоминать! На ночь глядя.

– Так вы – охотник? Или лесничий?

– Егерь, – пояснил Матвеич, откупорил бутылку и разлил по чаркам – ух, ты, какие я слова вспомнила! – пряно пахнущее малинового цвета вино.

– Мы не пьём. Алкоголь, – с ударением на «а» сказала Милка, но как-то не очень уверенно.

– Это не Алкоголь, – улыбнулся хозяин. – Наливочка. Домашняя. Совсем не крепкая. Пейте смело. Ну? За встречу? – поднял свой бокал.

Наливочка оказалась сладкой, с еле заметной горчинкой,

очень приятным букетом и... возбуждающей аппетит. Я думала, что после вполне сытного «чая» не смогу больше ничего съесть... Ага! Сейчас! Всё оказалось настолько вкусным, изысканно вкусным при внешней простоте, что глас разума, постоянно бубнивший об ограничениях, показанных при моей комплекции (как меня тот урод назвал? Сахарная булка? Вот гад!), умер, захлебнувшись голодной слюной.

– Больше не могу! – осоловевшая от еды Милка откинулась на спинку стула. – Спасибо огромное, Михей Михалыч.

От наливочки и обильно поглощённых яств потянуло в сон. В голове приятно шумело, веки слипались. Я изо всех сил старалась не заснуть тут же, в удобном деревянном кресле. Лицом в салате, например.

– Это вам спасибо, девицы. Коли б не вы, некому было бы гостей потчевать ни сегодня, ни завтра. Ни вообще никогда, – Он наполнил свою чару. – Так что за вас, гостыюшки дорогие!

Осушил одним глотком. Закусил виноградиной.

– А теперь к делу. Долг, как известно, платежом красен. Золотых гор и молочных рек не обещаю, но кое в чём подсобить могу. А потому подумайте и изложите, милые, чего бы вам более всего желалось.

– Чего-чего? – захмелевшая Милка непонимающе глядела на Матвеича. – Это вы о чём? Я только спать хочу и ничего больше.

Златоярский Робин Гуд добродушно усмехнулся в усы.

– Ладно, пожалуй. Не время сейчас. Провожу-ка вас в светёлочку, а с утраца сами решите.

– Что решим? – нахмурилась Милка, силясь понять, чего же он хочет?

* * *

Светёлка – маленькая комнатка под самой крышей, куда нас определили на ночлег, оказалась очень уютной. Домотканые половички на полу, белоснежное кружевное бельё на паре кушеток. И опять медовый запах сена.

На узкий подоконник над забранным фигурной решёткой оконцем Матвеич поставил два небольших бокала на ножке, таких, как в рыцарских романах – покрытых узорами чёрного серебра и с круглой крышечкой.

– Задумаете, отопьёте, оно и исполнится, – поклонился с обычной лёгкой усмешкой. – Да буде вам ночь спокойной.

И вышел.

– Исполнится, – Милка сидела, неподвижно глядя в пространство. – Что исполнится?

– А что пожелаешь, то и исполнится, – я чувствовала, что сейчас засну, не успев коснуться головой подушки.

Милка взяла бокал, откинула крышечку, задумалась на секунду и сделала глоток. Потом поставила на место.

– Травой пахнет.

* * *

Спала я в ту ночь без снов и так крепко, что казалось, лишь на миг прикрыла глаза, а в оконце уже сияет солнышко,

наполняя воздух розовым сиянием.

На лавочке, аккуратно сложенные, лежали наши пожитки, выстиранные, высушенные, идеально отглаженные. Милкины туфли (с обоими каблуками!) сияли так, словно только сняты с полки бутика. Мои кроссовки, которые больше и не надеялась отмыть от жирной чёрной грязи, стали не просто белыми как изначально, а даже в лёгкую голубизну – таким цветом отливает иней в солнечный день. Но самое интересное, что дверь в светёлку была по-прежнему закрыта, как я помнила, с вечера на засов. Изнутри. А решётка на окошке и вовсе наглухо вделана в стену.

Я пошевелила массивную железяку, потом потянула на себя. Засов противно заскрипел, завизжал.

– Ты чего делаешь?! – поморщилась сквозь дрёму Милка.

– Ничего. Так, проверяю кое-что.

Впрочем, спала я так крепко, что вполне могла не услышать, даже если засов каким-то ухищрением открывается снаружи. Или побывали таинственные дедовы помощники, которых мы так и не увидели?

– Боже, где это мы? – Милка поднялась со стоном, потянулась, села, свесив ноги.

Пока я раздумывала, неспешно приводила себя в боже-ский вид, она цапнула свои пожитки и выскользнула из комнаты. Через несколько секунд вернулась. Одетая. Хм!

– Иди, что покажу!

В конце галереи, узким коридорчиком, опоясывающем те-

рем над вторым этажом, массивная дверь вела в небольшую комнату. Мебели тут не было, но зато все стены увешаны оружием, об иных видах которого я читала только в рыцарских романах, а кое-что и не смогла определить вовсе. Например, для чего служит тяжеленный шар с тремя цепями и толстенными кольцами на концах оных?

Тут же красовался и лук Робина Гуда. Да не один, а числом три – разных по высоте и массивности. Несколько колчанов со стрелами, длинными, тяжёлыми, с гранёными, острыми, как бритвы наконечниками из серебра. Ну и доспехи для полной комплектации – кожаные, потёртые от частого использования нагрудники, наколенники, несколько пар сапог – высоких, тяжёлых, облегчённых, тёплых и тонких.

– А не простой человек, наш Михалыч! Егерь! И такой арсенал! Подумать страшно, на кого можно с ЭТИМ охотиться! Какие зверушки балуют, что их надо подобными штука-ми умирять?!

– Ты зачем сюда полезла?! Кем бы он ни был, это же неприлично – шарить по чужим шкафам.

– Я туалет искала, – обиделась подруга. – А дверь была открыта.

Залаял пёс во дворе, загремел цепью. Хлопнула входная дверь. Кто-то прошёл в дом сильными, тяжёлыми шагами, сопровождаемыми звоном шпор. Мы с Милкой спрятались за резную массивную колонну и осторожно выглянули, краем глаза стараясь разглядеть гостей.

Высокий, широкоплечий, мужчина в меховом плаще, покрытом тающим инеем, прошёл в горницу, кинул на стол перчатки, в каждую из которых свободно поместились бы обе мои руки, а то и Милкины в придачу. Вчерашняя просторная комната сразу стала как-то меньше, высоченные потолки ниже.

– Просежэ, государэ, – Матвейч подвинул ему стул. Мужчина сел, уперев одну руку в колено, вторую положив на стол. Огляделся.

– Тай сарэ дело у лесов?оборотник скорэ просмертэ? – голос властный, звучный, очень красивый баритон.

–оборотник тай дэ конец, – ответил Матвейч. – Кануне вэчеру. Та свободнэ дорогу.

– Проходу закрай?

– Эстено, государэ.

– Добре-добре, – кивнул незнакомец.

– Глянь, – шепнула Милка, толкнув меня локтем и указывая на окно. Оттуда виднелась часть двора, где несколько чуть попроще одетых, но таких же рослых, как предводитель, парней удерживали в поводьях лошадей... Лошадей?? Эти звери поначалу только показались похожими на привычных для нас четвероногих, непарнокопытных. Пышные гривы, вытянутые морды, удлиненные спины, – вот и всё сходство. Дополняли облик львиные лапы, змеящиеся драконьи хвосты, а главное – дым из ноздрей! Чудовища выглядели сильными и угрожающе-красивыми, хотя я не рискнула бы

не то что покататься на таком, но подойти ближе пятидесяти метров! Коров-то боюсь, а уж этих змеев-Горынычей!..

Один из зверей, самый крупный, всхрапывал недовольно, тряс снежно-белой гривой и, ясное дело, принадлежал господину.

– Странные дела тут творятся. Тонь, а давай выбираться отсюда? И поскорее.

– Ничего не имею против.

Мы осторожно, стараясь, чтобы вдруг не закрипели ступеньки, спустились по узкой боковой лестнице. Но проскользнуть к выходу из терема незаметно не удалось. Дорогу преградила массивная фигура. Не просто высокая, а... Впрочем, я поднимала взгляд: ноги-ноги-ноги... пряжка ремня, торс, плечи в меховом плаще... – больше двух метров, точно! Против моих полутора. Впечатление незабываемое.

Слегка подняв бровь, великан вопрошающе глядел на нас. Выразительное лицо со светло-кариими умными глазами, ниспадающие на плечи тугими кольцами русые волосы. И прядь благородной седины над правым виском.

Милка сориентировалась первой.

– Здравсте! – улыбнулась. – А мы тут... у Михей Михеича в гостях.

– Угу, – поддакнула я. – Плюшками балуемся.

Великан оглядел Милку с ног до головы с явным удовольствием. Вот дикарь невоспитанный! А ещё государь! Или лучше так – «а ещё корону надел!» Ну, короны-то у него нет,

только тонкий обруч, коим кудри перехвачены. Но, вроде, золотой по виду. Значит, про корону – можно.

Однако Милка не смутилась и не возмутилась. И не сводила глаз с мужчины. Непохоже на неё! В растерянности? Или испугалась?

– Тай кторэ номэ? – спросил невоспитанный князь.

– Чего?

– Вроде, имя спрашивает, – подсказала я.

– А! Людмила, – Милка чарующе улыбнулась.

Ну и ну! Флиртует! С иностранным дикарём! Пусть и ценосным.

– Зарна! Ай, зарна купавна! – промурлыкал великан.

Милка смущённо потупилась.

Опомнись, дорогая! Что с тобой? Я-то не против, но обстоятельства странноватые для знакомства!

– А можно вас спросить?.. Вы правитель какой страны? Э-э... государэ.

Великан с интересом смотрел на неё, а потом расхохотался, сверкнув жемчужно-белыми зубами.

– Тай зарна! – повторил он с восторгом и одобрением. Подруга зарделась. Похвалу красоте восприняла с достоинством и удовольствием.

С улицы донесли голоса и протяжный призывный рык. Великан глянул в окно, потом наклонился и крепко поцеловал обомлевшую Милку в губы. Сказал что-то прощально-ободряющее, подхватил перчатки со стола и вышел.

– Вот не понимаю, чего он во мне нашёл? Я ж ненакрашенная похожа на обезьяну, – она попробовала пригладить волосы, кое-где стоявшие дыбом (а нечего с мокрой головой спать ложиться!).

– Ненакрашенная, – возразила я, – ты похожа на самую себя, нормальную, симпатичную девчонку, а не на Шемаханскую Царицу.

– И на каком языке он говорил?..

– На ундарском, – Матвеич, улыбаясь слегка иронично, стоял у лесенки на второй этаж.

– На тарабарском, – буркнула Милка.

– Про подарки-то вы забыли, – Он вручил нам вчерашние серебряные чарки с крышечками. И, предваряя протест:

– Берите-берите! – кивнул. – У меня ещё есть.

Мы вышли во двор. Последнее чудовище с лихим наездником на спине в два прыжка исчезло в туманном лесу. Оттуда донёсся низкий протяжный вой. Ему вторил другой, третий... Потом всё затихло.

Смачно зевнув, Рык уволок свою цепь в будку.

– Это что за монстры были? – я оглянулась на Матвеича.

– Греймы, – пояснил тот. – Очень умные, смелые и благородные звери. Да вы не бойтесь, барышни. Вот вас провожу, проход закрою, и никакое чудовище более не потревожит покой мирных селян. На то егерь и нужен, – улыбнулся широко.

Он вывел нас к еле заметной тропинке, исчезающей где-

то в глубинах ельника. Помахал на прощание.

– Доброго пути!

* * *

Некоторое время мы шли молча.

– Вот ты как хочешь, – покачала головой Милка, – а я даже понимать ничего не собираюсь. Какие-то оборотни, лошади-драконы, дед-колдун...

– А ты вчера чего пожелала? – вспомнила о волшебной воде, которую подруга отведала на ночь.

– Помню я что ли? – буркнула та. – Любви, наверное.

– Любви... – кивнула я.

– Тонь, ну... Ну, что ты, в самом деле!

– А Он ведь тебе понравился! И как раз такой, которого ты описывала вчера – умный, благородный. Принц. Даже не принц, а король! Или царь? На белом коне, сиречь, грейме. Но грейм – это бонус. А все остальное – в точности. Даже седая прядь.

Милка не ответила, пребывая в угрюмом настроении, шагнула в просвет между деревьями.

Под открытым капотом «ниссана» всё так же возился Дрошнев, на бревне, покусывая хвоинку, сидел Феликс, по светло-голубому небу плыли облачка...

– А! Девчонки! – Серёга вынырнул из недр машины. – Вы уже?.. Феликс, ну-ка давай зажигание.

Здоровяк втиснулся на водительское сиденье, повернул ключ. Мотор довольно заурчал. Мы переглянулись.

– А ты говорила, конная милиция...

– О! – Довольный Дрошнев опустил капот. – Дело мастера боится. Можно ехать.

– Серёжа, – медленно произнесла Милка, – а как долго мы гуляли?

Парень вытер руки тряпочкой. Пожал плечами.

– Минут двадцать от силы. А что?.. О! Магазин нашли? Можно глоток? – я не успела возразить, как он забрал у меня из руки... не серебряную чару, а всего-навсего литровую пластиковую бутылку с этикеткой «минеральная вода «Архыз». И Милка держала точно такую же.

– А мне? – Феликс подскочил было, но она спрятала бутылку за спину.

– Там уже нет ничего.

Дрошнев внимательно нас оглядел. И что-то ему не понравилось. Наш вид, слегка ошарашенный?

– Девочки, а с вами всё в порядке? Может, лучше домой вернёмся?

– Лучше, – кивнула я. – Поехали домой, Серёж.

– Ну, во-о-от! – протянул недовольный Феликс, но Дрошнев цыкнул на приятеля, и тот послушно замолчал.

Почти всю дорогу назад в салоне машины царило молчание. Я пыталась как-то осмыслить происшедшее, найти объяснение. Милка, думаю, тоже. Хотя, кто знает? Может, она думала совсем о другом? Спросила только, не слышал ли кто-нибудь, что есть такой язык – ундарский. Как ни стран-

но, отозвался Феликс. Насчёт языка он не знал, но логично предположил, что именно на нём говорили в Ундарском царстве, некогда – а точнее, какую-то тысячу лет назад! – процветавшем как раз в этих местах. Откуда знает про царство? Так ведь он исторический недавно закончил. Краевед, некоторым образом.

Милка даже чуть смягчилась и глянула на здоровяка с уважением.

А спустя пару дней после неудачного выезда на природу, когда работа и привычный распорядок жизни вновь вернули в русло, успокоив смятение в душах, я пригласила подругу в свой кабинет попить кофейку и на кое-что посмотреть. Милка пришла с коробкой пирожных и лабораторным бланком анализа воды из бутылки. ТОЙ самой.

– Вот, – положила передо мной лист. – Минеральная вода. И ничего более. Никакого волшебства.

Я кивнула.

– А почему ж тогда ты не дала Феликсу напиться?

– Ну... лучше перестраховаться, – пожала она плечами. – А вдруг? А его желания недвусмысленные все на лбу отпечатаны. Зачем их дополнительно провоцировать? И потом, он же для анализа ничего не оставил бы, а как объяснить, для чего анализ?

Она разлила кофе по чашкам, распаковала пирожные.

– А ты успела что-нибудь пожелать?

Я пожала плечами.

– Может, тоже любви? Невольно. А Дрошнев взял и выдул колдовской напиток. И ничего не произошло.

– Дрошнев и без напитка с тебя глаз не сводит. Что тут совершенствовать? Только вот, что я думаю, подруга. Мы живём не в глухом суеверном средневековье. Всему есть или должно найтись научное объяснение. Если оный случившийся факт всё же имеет место случиться.

– Здравая мысль, – согласилась я. – И выражена складно! Как собираешься её применить?

– Единственное научнообразное объяснение, которое приходит мне в голову – это галлюцинация, – она отпила кофе, поморщилась. – Сахар забыла.

– Галлюцинация тебе каблук прибила на место, вручила нам бутылки с «Архызом», влюбила тебя в тысячелетнего царя, мотала нас где-то двенадцать часов и вернула в исходную точку. Пространства и времени.

– Вот именно возврат в исходную точку и свидетельствует, что ничего не было. Просто мы с тобой нанюхались какой-нибудь пылицы. У меня даже давление поднялось.

– Мне, правда, кажется, что давление – совсем не от пылицы, – я потупилась, поймав Милкин свирепый взгляд. – Но согласна, что распространяться по поводу наших приключений в ином измерении или веке не стоит. Только хочу, чтобы ты на кое-что взглянула.

Нажала клавишу. На экране компьютера возникло лицо парня лет тридцати. Глубоко посаженные непроницаемые

глаза-буравчики, чёрные сальные патлы до плеч, полоска бледных тонких губ.

Милка перестала жевать.

– Проникающее ранение в горло. Несоблюдение техники безопасности на производстве. Дождется анатомирования где-то у тебя в закромах. Не попадался ещё?

– Нет, – она отложила пирожное. – Ты мне аппетит перебила.

– Неужели? С каких это пор клиенты на тебя впечатление производят и аппетита лишают?

– Это не может быть тот оборотень. Того Михеич убил. Совпадение...

– Конечно, – согласилась я. – Галлюцинация.

Снаружи, со стороны лесочка, раздался непонятный шум. Вообще-то место здесь, на краю города, тихое, и даже говорить громко не положено, учитывая специфику нашего учреждения. Неэтично! Поэтому понятно, что низкий рык с переходом в вой заинтересовал многих, и к окнам прильнули не только мы.

Перед пустынным входом в здание – а охранник наш доблестный где?? – гарцевал (вот интересно, можно ли сказать «гарцевал» в применении к животному с львиными лапами и драконьей задней частью? Но ведь оно же всё-таки немножко конь! Ладно, пусть будет «гарцевал») на белом грейме высокий русоволосый мужчина в развивающемся меховом плаще. Увидел нас – ха! «нас»! Милку! – в окне, улыбнулся ра-

достно.

– Миэла! Зарна моя купавна! – призывно махнул рукой.

«Chercher le loup» – «

Ищи

волка

»

Я всегда любила смотреть на облака. С детства любила. Причём в любой обстановке – в окно, на улице, на ходу... На бегу даже. Сколько раз из-за этого спотыкалась, в лужи падала! Сколько наставлений и укоров типа «ты-когда-научишься-под-ноги-смотреть?!» выслушала! Но...! Не обучаюсь, наверное. Даже разбитые ладони и слегка (!) перепачканные вещи – невелика цена за волшебное зрелище, сказочное, завораживающее, особенно перед грозой, когда авангардный массив туч клубится фантастическими формами и всеми оттенками цвета от снежно-белого до тёмно-синего, почти чёрного. В такие минуты физически ощущаешь накопившуюся в небесах силу, непостижимую, таинственную энергию, удерживающую в воздухе тонны воды.

Вот и сейчас далеко за озером, над лесом, серо-фиолетовый грозовой фронт изредка вспыхивал молниями, погромыхивал чуть слышно. Я любовалась им сквозь полуприкрытые веки, нежась на горячем песке. Сюда, на пляж пансионата «Лесные озёра», дождь пока не натянуло. Густой влажный воздух уже пропитался запахами грозы, но солнышко

ещё жарило всюду, и мы с Милкой не торопились вернуться в номер.

В этом году с погодой творилось что-то невероятное. Холодный воздух накрыл морские курорты, знаменитые пляжи и прочие популярные места летнего отдыха. Дожди, ветры, штормы разогнали туристов; остались лишь самые стойкие и упорные, коим и непогода не помеха в процессе любования достопримечательностями.

Зато в наших краях царило прямо-таки тропическое лето. Классическое лето с жаркими солнечными днями, синим-пресиним, постоянно – ну, почти постоянно! – безоблачным небом. Народ потянулся на север. Погреться и позагорать. Даже моя дорогая Милка, принадлежащая той самой категории упорных туристов, которым всё нипочём, ежели заранее распланировано, – даже Милка не поехала отдыхать в очередную страну с экзотическим названием. Зато мы вместе сейчас осчастливили своим пребыванием небольшой коттеджный посёлок на берегу живописного озера посреди среднерусских лесов.

– Сейчас я тебе кое-что покажу, – Милка вытащила из цветастой пляжной сумки и пристроила на коленях маленький ноутбук. Розовый! Да ещё и с игривыми серебристыми зайчиками на корпусе. И на клавиатуре.

– Ух, ты! Очаровательная штучка! Подарок?
Подруга бросила на меня мрачный взгляд.

– Неужели я б сама т а к о е купила?!

– А кто? Твой новый?

– Кретин, – буркнула Милка, клацая по клавишам длиннющими ногтями. (Я б не смогла с таким маникюром печатать; поопасалась бы и устройство сломать и маникюр. А Милка ничего, никаких неудобств не испытывает!)

Она задумалась на секунду, потом по-лисьи прищурилась, что означало – у «нового» никаких шансов!

– Нет, я простила бы ему и этот чудовищный дизайн, говорящий о полном отсутствии вкуса, и электромиксер, который в посудомоечной машине постирал... И даже носки количеством три штуки – не пары, а штуки, причём разного цвета! – которые он у меня забыл. Но то, что вымыл голову моим средством для снятия макияжа – это перебор, согласись? Как врач диагностирую кретинизм. Неизлечимо!

– Неужели так серьёзно? – усомнилась я. – Может, простая рассеянность?

– Серьёзней некуда! Флакон, говорит, похож на его любимый шампунь! А прочесть, что на нём написано, не судьба?

– Да... уж!

– В конце-концов современный образованный мужчина – или же претендующий на звание современного образованного! – должен уметь читать по-японски!

– Боюсь показаться несовременной, – хмыкнула я, – но в японском тоже не сильна.

– Тонечка, – Милка бросила на меня снисходительный

взгляд. – Речь ведь не о светской беседе, а о паре слов. Хлоргексидин – он и по-русски, и по-французски, и по-японски хлоргексидин! А мужская красота – ещё не повод для отсутствия мозгов у её обладателя, – вздохнула. – Что до тебя, уверена, ты, не перепутала бы! Даже при полном равнодушии к косметике и незнании японского языка.

Она подвинула ноутбук так, чтобы нам обоим видеть изображение.

– Вот смотри, – развернула окошко видеоролика на полный экран. Зарубежная певица с неплохими, надо признать, вокальными данными исполняла новейший сингл на непонятном языке – каком-то европейском; но не на японском, точно. Костюм певицы, состоящий из хитроумно держащихся на ней цветных тесёмочек, заслуживал отдельного обсуждения, но не костюм – что вообще-то странно! – и не голос, и, конечно, не мелодия привлекли Милкино внимание.

Танец! Резковатые, хаотичные на первый (и второй тоже!) взгляд движения, не походили на привычные взору элементы традиционных эстрадных подтанцовок. Однако они вполне гармонировали с музыкой; певица демонстрировала отличное владение телом и чувство ритма.

– Необычно, правда?

– Ну-у... – я пожала плечами. – Каждый ведь старается самовыразиться. Как может. А кто это?

– А, не знаю, – махнула рукой Милка. – Но ты смотри, как танцует!

– И что? Вроде, неплохо.

– Неплохо? Не-пло-хо?! Знаешь, что она исполняет?! Ритуал вызова духов шаманом индейского племени кайючи!!

– Ага! Конечно! – я поудобнее устроилась на коврике – полотенце и перевела взгляд на небо. Гроза приблизилась. Громыхало уже ощутимо сильнее, потянуло прохладным ветром с запахом озона.

Отдыхающие почти все разбрелись по домикам. Не столько из-за грозы, сколько из-за сигнала – хи-хи! – к обеду. (Сколько можно есть, а? Недавно ж пусть без изысков, но вполне обильно отдыхающих покормили!) На пляже остались мы вдвоём, да ещё парочка отчаянных купальщиков.

– Почему, думаешь, она первое место заняла в международном конкурсе?! – не унималась Милка. – Это ж чёрная магия в чистом виде!

– Поменьше мистики, дорогая! И веры в фантастику. Мир прагматичен, – я покачала головой. – Первое место! Ну и что удивительного? Просто певица чем-то более остальных понравилась председателю жюри.

– Да нет же!..

Слова Милки заглушил заставивший нас обеих подпрыгнуть от неожиданности пушечный раскат грома.

И он совпал с завершением музыкального номера. Певица там, у себя в зарубежье, воздев руки, напоследок что-то крикнула в небо и замерла.

Милка потрясла головой, похлопала ладонями по ушам.

– Ау-у-у-у! – я проверила, не оглохла ли полностью. Вроде, нет. Хотя тишина вокруг после такого залпа царила прямо-таки ватная.

– Пожалуй, пора собираться, – подняла полотенце, тщательно стряхнула с него мелкий песок. – Пойдём?

– Тонь? – наткнулась на остановившийся настороженный взгляд подруги. – Ты видишь то же, что и я? В смысле... вокруг.

Я огляделась. Озеро, берег, лес, – всё как обычно, как сегодня, вчера, позавчера... Вот только коттеджей нет. И людей нет. Пансионат исчез со всеми обитателями, домами, площадками для игр и прочего. Вокруг царила нетронутая природа, не осчастливленная и малейшим присутствием человека. Не считая нас.

А! Озеро, вообще-то, изменилось. Стало шире, синее. Лес на дальнем берегу – темнее и гуще. И никаких следов цивилизации, кроме Милкиного ноутбука, который, кстати (или совсем некстати?), замолчал и погас.

– Боги! – простонала Милка. – Неужели нас опять куда-то почему-то занесло? В какое-то время или измерение. Всё из-за шаманки этой! Не надо было её слушать! – подруга резко закрыла крышку ноутбука. – Вот тебе и прагматизм жизни!

Я промолчала. А что говорить? Хотя ведь всему можно найти вполне научное объяснение. И никакой мистики! И виртуальная певица, конечно, ни причём.

Но для начала отыскать цивилизацию. Или хотя бы следы

оной. Разобраться. А потом решать, что дальше? И не паниковать. Может, не так всё и серьёзно. И не так страшно.

Самое пикантное, что из одежды у нас остались только купальные сарафанчики. Мы с Милкой купили одинаковые модели сплошных купальников, потому что особенно модные в этом сезоне бикини смотрелись бы более чем нелепо, что на Милке с её худобой узницы концлагеря, что на моей фигуре слонопотамских габаритов. У меня, правда, ещё полотенце осталось, а у подруги – пляжная блуза из тончайшего прозрачного шифона. И всё. От нашего коттеджа до озера – пара десятков метров. Чего, спрашивается, наряжаться? Мы не рассчитывали отправляться в путешествие!

Я повязала полотенце вокруг талии – тесновата юбочка получилась, но уж чем богаты! Милка облачилась в лёгкую дымку своей блузы, и мы пошли с пляжа в направлении, где ещё несколько минут назад стоял наш уютный гостиничный домик.

* * *

– Тай зарнэ осведанэ купавны! Кторэ номэ? – Что-то знакомое почудилось мне в узких поблёскивающих глазах женщины, которую мы встретили в лесу вскоре после того, как покинули берег озера. Хриловатый голос, улыбочка, более похожая на узкую щель. Или оскал?.. Пряди волос, не слишком опрятно свисающие на лицо...

Боги! Она что, вервольф?! Или оборотник, как называют в местах, сильно похожих на здешние. Только этого не хва-

тало!..

Догадку могли бы подтвердить ноги – оборотники ходят вроде как на цыпочках; у них ступни отличаются от человеческих, немного по-другому устроены. Но длинная юбка полностью скрывала ноги незнакомки. Правда, поза характерная: корпус чуть наклонён вперёд. Так что всё может быть! (И говорит по-ундарски – уже какая-то ясность. Меньше года назад мы в этих краях гостили у местного егеря. Хотя обстоятельства, тому предшествующие, назвать странными мало и неубедительно!)

Вообще-то в целом дама не произвела отталкивающего впечатления; выглядела даже симпатичной. По-своему. И без видимой агрессии. Но кто их знает, этих полу-волков? Может, у них тактика такая – жертва успокоится, расслабится, тут её и – ням!

«Расслабится» – это не про нас с Милкой. Мы-то как раз подобрались и приготовились дать дёру в случае чего. Воспоминания о предыдущей драматичной встрече с оборотнем отнюдь не угасли!

Тогда нас спас охотник Михеич. А вот без него шансов маловато. Бег по лесу в пляжных тапочках тем более не сулит удовольствия, однако не ждать же покорно, когда тебя есть начнут!

Но незнакомка не собиралась нас есть. Во всяком случае, никаких поползновений превратиться в чудовище не делала.
– Мы что, опять в Золотом Яре? – простонала Милка.

– Похоже на то.

– Чего эта волчица хочет?

– Имя спрашивает.

В отличие от Милки у меня не было проблем с переводом. Местный язык давался на удивление легко. Я словно вспоминала нечто давно знакомое, просто на время отодвинутое на задворки памяти. Возможно, кто-то из моих предков говорил по-ундарски, и так проявилась генетическая память?..

– Буду твоим персональным переводчиком.

– Да уж будь!

– Как же ты со своим князем общалась, не понимая ни слова?

– Разве для любви важны слова? – она мечтательно улыбнулась.

– Так что сказать? Булка и Оглобля?

– Да ну тебя!

Милка приосанилась – помирать, так с музыкой! – и с достоинством представилась:

– Людмила Викентьевна Полесьева. Главный врач медэкспертизы отдела «А». Прошу любить и жаловать.

Волчица кивнула и улыбнулась шире.

– Миэла. Княжэ государинэ остайе разэ.

– Чего?

– Она тебя княгиней назвала, – перевела я.

– Ух, ты! Я, конечно, королева. Всегда. Но не все готовы принять сей очевидный факт. Тем более удивительно слы-

шать от существа с интеллектом утюга...

– Пойдём, королева! – я прервала её тираду. – Она приглашает следовать за собой. Просит, заметь!

– Думаешь, стоит идти? Может, это тактика такая? Еда с доставкой на дом. Действительно, зачем нас тащить голодным волчатам, если сами дойти в состоянии?

– Хочешь, оставайся, а я пойду. Здесь рано темнеет, если ты помнишь.

Конечно, она не осталась. Перспектива заночевать в лесу одной, да ещё и обряженной только в купальник, показалась менее заманчивой, нежели приглашение местной дамы. Пока мы шли, еле поспевая за мелькающей меж стволов волчицей, Милка продолжала бурчать.

– Ты предупреди эту красавицу, что, ежели хоть по кусочку от нас откусят, умрут в страшных муках! Что мы из другого мира и ядовитые под завязку! Нет, ты скажи ей! Вот прямо сейчас скажи, а то ведь потом может быть и поздно!

– Мил! – я остановилась и глянула на подругу. – Утомись. Мне тоже страшно. Но, если бы она хотела нас убить, уже пиновала бы в лесу со всем своим племенем.

– Хм! Какой оптимизм!

– Тебя не занимает факт, что она нас знает? Тебя во всяком случае.

– Меня занимает, что я её не знаю. И боюсь – не скрою! Что на уме у местных дикарей?!

– Скоро увидим, – вздохнула я.

Оборотница привела нас к деревеньке или хуторку – как правильно-то? – вобщем, поселению – паре низких хижин, сплетённых из веток. Зимой, плотно укрытые снегом, должно быть, хижины превращаются в тёплые берлоги. Для человека, конечно, относительно тёплые, а вот для волка, даже полу-волка, вполне приемлемо. Во всяком случае, несколько детишек трёх-четырёх-летнего возраста, играющих на поляне перед домиками, выглядели здоровыми и крепкими. Кроме них лохматая старуха помешивала варево в котелке над костром, и женщина на вид лет тридцати рукодельничала чуть в сторонке, – вот и всё племя. Хотя, может, мужчины на охоте? Или они все вместе не живут?

Вечерний ветерок дохнул ощутимым холодком – изнуряющая летняя жара не коснулась здешних мест! Но к костру мы с Милкой не пошли. Остановились за деревьями, держа в поле зрения и поляну, и её обитателей. «Аки лани пугливые» – пришло на ум сравнение. Я хмыкнула. Ланями нас назвать трудно – это точно. Особенно меня. Но и с «сахарной булкой» как поименовал оборотник в прошлый визит в здешние места, не согласилась бы.

Осторожность в данном случае не более чем рефлекс, непоборимый инстинкт самосохранения, потому что учуяли нас вервольфы в пол секунды. (И за версту, наверное.) Даже не видя за ёлками. Дети перестали играть и настороженно уставились в нашу сторону. Рукодельница подняла голову. И

только старуха не отреагировала, но, думаю, не потому, что не услышала, не унюхала. Просто оценила опасность – никакой! – и собственные силы.

– Мёрзну! – Милка обхватила себя за плечи. Её слегка потряхивало. От холода ли? – Ты как?

– Нормально, – я пожала плечами. – Дать полотенце?

– Давай, если тебе не холодно.

– Не холодно, – и отдала пляжный аксессуар в красно-белую полоску подруге.

Оборотница что-то рыкнула семейству, после чего все потеряли к нам интерес. Потом она подошла к костру и... запела вдруг низким густым контральто. Не мелодию, не песню, – несколько звуков разных тонов, но назвать их воем было бы несправедливо. Мне даже понравилось, так это оказалось красиво. В сознании вспыхнул зрительно-цветовой образ из тёмно-коричневого, перемежаемого розовым и нежно-фиолетовым. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, порождённое синестезией.

Волчица пела не слишком-то громко, но откуда-то с края леса вдруг откликнулся другой голос, потом третий, четвёртый... Голоса переговаривались и словно передавали какую-то информацию по цепочке, пока совсем не стихли вдалеке. Это что же? Система связи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.